

ГУМАНИТАРНЫЙ ТРАКТАТ

научный журнал о гуманитарных науках

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.gumtraktat.ru

ISSN 2500-1159

Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №32

Кемерово 2018

03 сентября 2018 г.
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по гуманитарным наукам. Подробнее на www.gumtraktat.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.:

П.И. Никитин - главный редактор, ответственный за выпуск.

Н.В.Обелюнас - кандидат филологических наук, экс-преподаватель кафедры журналистики и русской литературы 20 века КемГУ, ответственный за финальную модерацию и рецензирование статей.

А.Е. Чурсина – редактор, ответственный за первичную модерацию и рецензирование статей.

С. А. Уталиев – доктор философских наук; Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

С. С. Жубакова - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и самопознания, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева

И. В. Воробьева - кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета.

Е. В. Суворцева - кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

З. М. Мухамедова - доктор философских наук, кафедра социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный стоматологический институт.

А. А. Бейсембаева - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики и психологии Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Х. Б. Норбутаев - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования Термезский государственный университет

Г. М. Сыдыкова - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына

Д.Х. Исламова – доктор философии, Ташкентский государственный технический университет

А.О. Сергеева - ответственный администратор[и др.];

Научный журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации гуманитарных наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 03.09.2018 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ, КАК СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ БРАКА И СЕМЬИ.....	3
Бабаева О.А.	
2. КИБЕРВОЙНА КАК ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	7
Буряк В.В.	
3. ЖАНР «БАЛЕТ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМПОЗИТОРОВ.....	14
Ботирова Х.	
4. К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЯХ ПО ПОВОДУ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА (К философскому пониманию их противоречивого единства).....	16
Захарченко Г.В.	
5. АНТИНАУКА, ПСЕВДОНАУКА, КВАЗИНАУКА – ЧТО ЭТО И КАК С НИМИ БОРОТЬСЯ?.....	23
Атаманов Г.А.	
6. СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКЕ.....	30
Наимов У.Т.	
7. РАЗВИВАЮЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ.....	32
Митькина А.Д.	

Бабаева Олеся Александровна
Babaeva Olesya Alexandrovna

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
(Мининский университет) Семейная психология

УДК 316.3

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ, КАК СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ БРАКА И СЕМЬИ

MARRIAGE AND FAMILY ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE, AS A MEANS OF ORGANIZING A MARRIAGE AND FAMILY

Аннотация: в статье исследованы образцы поведения современной семьи. Рассмотрены изменение регламентированных форм отношений супругов. Актуальность темы настоящей статьи определена тем, что увеличивается роль ситуативного подхода, который формируется по склонностям и разного рода возможностям, с учетом установок, которые имеет каждый член семьи.

Согласно традициям прошлого, мужчина - это глава семьи, кормилец и добытчик, когда женщина – мать, хозяйка, ответственная за домашний очаг и воспитание детей.

На сегодняшний день идея равноправия привела к тому, что мужчины и женщины могут одинаково зарабатывать, получать образование, иметь социальный статус, на равных принимать решения.

Происходит когнитивный диссонанс, когда у супругов установки традиционной семьи, а общественное мнение говорит о равных правах мужа и жены в реализации большого количества функций.

В теории и практике возникает интерес к семье, как основному институту общества, который терпит изменения от силы социальных и политических воздействий, а также от внутреннего развития и процессов, которые происходят в семье, как функциональной системе.

Abstract: the article investigates the patterns of behavior of the modern family. The change of regulated forms of relations of spouses is considered. The relevance of the topic of this article is determined by the fact that the role of situational approach is increasing, which is formed by inclinations and different kinds of opportunities, taking into account the attitudes that each family member has.

According to the traditions of the past, a man is the head of the family, a breadwinner and a breadwinner, when a woman is a mother, a hostess responsible for the home and raising children.

To date, the idea of equality has led to the fact that men and women can earn the same income, receive education, have social status, and make equal decisions.

There is a cognitive dissonance when the spouses have a traditional family, and public opinion speaks about the equal rights of husband and wife in the implementation of a large number of functions.

In theory and practice, there is an interest in the family as the main institution of society, which suffers changes from the forces of social and political influences, as well as from internal development and processes that occur in the family as a functional system.

Ключевые слова: семья, брак, установка, отношение, психология, родитель, социальный, происходить, супруг, общество, партнер, ребенок, женщина, роля, функция

Key words: family, marriage, setting, attitude, psychology, parent, social, occur, spouse, society, partner, child, woman, role, function

Семья, как предмет исследуется философами, историками, этнографами, социологами, демографами, психологами. Каждый научный взгляд имеет свой подход.

Социологи и философы больше ориентированы на то, какое место семья занимает в обществе, и какое значение ее социальные функции оказывают на него. Профессор Московского Гуманитарного Университета Антонов А.И. [1] определяет семью, как связь, в основу которой ложиться частная собственность, общесемейная деятельность родителей, супругов и родственников, когда происходит удовлетворение потребностей, и выполняются социальные функции рождения, содержания, детской социализации.

Психология изучает семью, как социальную группу с межличностными отношениями родителей и детей, детей и родителей, а также супругов друг с другом. И обращает внимание на то, насколько семья, как малая группа устойчива в тех или иных ситуациях, которые происходят в жизни семьи и в социуме, определяя эффективность совместной деятельности по тому, как проявляется любовь, привязанность, интимность.

С точки зрения демографии семья – это группа совместно проживающих родственников, которые имеют общий бюджет и роль в обществе – воспроизводить население.

Для экономики семья интересна количеством потребления и производством услуг с материальными благами. Этнографы изучают жизненный уклад, семейный быт разных этнических групп, отмечая их особенности.

Педагогика ориентирована на процессы воспитания.

Семья – это группа социума, где между мужчинами и женщинами происходит удовлетворение естественных половых, духовных, этических, эстетических потребностей и рождается потомство.

Семья, как малая группа живет, развивается и функционирует автономно, а как институт зависит от экономики, политики, религии, при этом сохраняет относительную самостоятельность.

Перспектива семьи – это взаимодействие с разными институтами социума, ее изменение, развитие и модернизация.

Понимание правильной роли брака и семьи для современного общества зависит от особенностей, сформированных у современной молодежи установок, которые ориентируют вступить в брак.

Понятия семьи и брака взаимосвязаны между собой, при этом каждое имеет свою специфику. Учеными доказано, что исторически семья и брак появились в разное время.

Согласно определению Харчева А.Г. брак – это исторически меняющаяся социальная форма «отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские, родительские права, обязанности» [2, с.66].

По мнению С.И. Голода [3] брак, как набор разнообразных исторических механизмов, например, обычаев, традиций, права, нравственности, табуированности, которые регулируют сексуальные отношения мужа и жены, направленные поддерживать непрерывность жизни. Социальная идея брака – воспроизводить новое население.

Церковь освящает брак, добавляя ему неразрывности, постоянства и долговечности.

Формы брака изменчивы, его роль в обществе – упорядочивать, санкционировать, юридически урегулировать отношения супругов.

В разных обществах процедура вступления в брак отличается формами и видами свидетельств, возрастом.

Например, в Китае наложены половые санкции на брачные отношения, так как численность населения слишком велика и превышает один миллиард. В других странах происходит стимуляция детской рождаемости – различного рода программы материальной, медицинской, социальной поддержки.

Супружеские отношения в России регулируются семейным кодексом и другими нормативными актами российского законодательства. Нет ограничения в максимальном возрасте вступления в брак и возрастной разницы между партнерами.

Граждане имеют возможность заключить брак, а также его расторгнуть. Развод дает свободу расторжения брака. Несмотря на то, что правовое регулирование брачных отношений направлено на то, чтобы социально защитить личность, создать и сохранить семью, многие пары проживают совместно без юридического оформления брака.

На сегодняшний день брак в России – это добровольно-обоюдный союз мужчины и женщины, который регистрируется органами записи актов гражданского состояния.

Семья в отличие от брака – это сложная система по организации быта, как связь супругов с родственниками, которые проживают вместе и ведут совместное хозяйство.

В статье О.М. Сергеевой и Н.Ю. Жураковской [14] опубликованы результаты исследования согласно которым, стабильная молодая семья может получиться в том случае, когда молодые люди имеют высокую степень готовности к семейной жизни.

Препятствовать сохранению брачного союза могут деструктивные брачно-семейные установки. По определению Т.Ю. Сорокиной [15] рассматривается разновидность социальных

установок, т.е. позиция личности по отношению к браку и семье, которая формируется от опыта взаимодействия с социумом, показывая степень подготовленности к браку и поведение индивида в семье.

После тестирования 170 человек Сергеевой и Жураковской сделаны выводы о том, что имеется потребность в разработке психотерапевтических методик, которые будут направлены на поддержание и сохранение брака.

В супружестве у молодой пары возникает зависимость от семьи родителей – это приводит к тому, что молодые люди не руководствуются своими потребностями и решениями, а используют установки своих родителей – устоявшиеся семейные ритуалы. Такая зависимость возникает от того, что у родителей отсутствует чувство безопасности за своих детей, им приходится контролировать детей и проявлять сопротивление к их самостоятельности.

Такой контроль ведет к усилению и осложнению проблем взрослых детей, возникают противоречия в отношении с желанием использовать опеку родителей в одном случае и проявлять самостоятельность в другом.

Реализовать конструктивную установку до вступления в брак, когда родители оказывают помощь и не вмешиваются в супружескую жизнь своих детей, является определенного рода проблемой.

Другая установка – «медовый месяц», когда брак заключается после короткого знакомства партнеров под воздействием чувства влюбленности. Спустя некоторое время чувства изменяются, гормональный фон восстанавливается и происходит узнавание партнера с отрицательной стороны. Семьи распадаются, когда у супругов не достаточно знаний друг о друге и семье своего партнера.

Еще одна проблема молодых семей – не адекватная мотивация вступить в брак. Такая мотивация возможна в случае желания покинуть дом своих родителей, проявить самостоятельность, либо мстить.

Когда нет адекватной мотивации, не обговариваются вопросы ролей в семье, статуса супругов, не обсуждаются общие цели. Такие пары имеют достаточно крепкую установку на развод, у них отсутствует желание меняться, учитывать потребности своего партнера, прикладывать усилия для того, чтобы создать прочные семейные узы.

На первой стадии цикла жизни семьи формируются индивидуальные стереотипы в общении, происходит согласование ценностей семьи, вырабатывается общий взгляд на мир, супруги приспособляются друг другу, распределяют между собой функции и роли, формируют структуру своей семьи, когда обеспечивается единство всех членов семьи и за каждым закрепляется ответственность за какой-либо вид деятельности. Здесь важным моментом являются семейные ценности в виде установок, для чего существует семья, что она приносит.

Полное совпадение этих параметров говорит о благополучии семьи, дает возможность брачным партнерам взаимно адаптироваться.

Но как показывает практика, любая супружеская пара сталкивается с несовпадением убеждений, мнений, оценок, что приводит к ссорам, скандалам, раздражению.

И очень важную и решающую роль играет навык конструктивного решения конфликтов.

Супруги каждый день решают задачи, что делать в свободное время, куда инвестировать деньги, как провести отпуск, в которых происходит столкновение систем ценностей партнеров, поэтому сплоченность семьи зависит от того, насколько хорошо супруги приходят к консенсусу, либо используют компромисс.

Борьба за лидерство является частой причиной ссор и скандалов, к ней может добавиться взгляд мужа на профессиональную деятельность жены, насколько женщине посвятить себя карьере и семейной жизни – предмет активных дискуссий супругов, как правило, их мнение сходятся, что работа не должна быть в ущерб интересам семьи.

С изменением положения женщин в обществе, выполнение ими производственных функций, требуется справедливое распределение обязанностей по дому.

Когда установки мужа и жены в отношении хозяйственно-бытовых обязанностей совпадают, а также используется эгалитарная модель - пропорциональное распределение дел и взаимозаменяемость, семья отличается стабильностью и благополучием.

Л.Б. Шнейдер [6] раскрывает вопрос о том, для чего нужно создавать семью, по его мнению «семья обеспечивает человеку полный психолого-физиологический комфорт, выполняет функции эмоционального убежища»[6,122].

В семье человек чувствует себя уникальным, неповторимым, нужным, имеет возможность любить и быть любимым, стремиться к духовной и физической интимности, может реализовать потребность быть родителями. При этом важно учитывать психологическую и социальную отцовские и материнские стороны – обязанности ухаживать и воспитывать потомство.

Также семейная жизнь удобна совместным ведением хозяйства, когда супруги и дети помогают друг другу, приготовить вкусное домашнее питание, привести в порядок одежду и обувь, сделать свое жилище комфортабельным.

В силу роста разного рода венерических заболеваний семья обеспечивает регулярную половую жизнь, постоянного и надежного партнера. Образ семьи – это надежное убежище в мире, где бушуют политические, экономические, технологические, климатические и многие другие жизненные сложности.

В заключение, следует добавить, что проблема кризиса семьи не теряет свою актуальность, набирая все большие обороты. Федеральная служба государственной статистике в 2016 году зафиксировала 61% разводов. [16] Больше половины молодых семей распадаются, проявляется неблагополучие, происходит игнорирование основными семейными функциями, дифференциация обязанностей отцовства и материнства, переживание дискомфорта, стрессовых ситуаций, жестокое обращение, насилие, обесценивание чувств, пренебрежение отношениями.

Такая тенденция развития требует поиска средств коррекции брачно-семейных установок, которые препятствуют сохранению семьи и браку и приводят к неблагополучию в семейной жизни. Необходимо разрабатывать психотерапевтические методики, которые будут направлены на подготовку к семейной жизни, помогут поддержать и сохранить брак.

Библиографический список:

1. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. — М.: Грааль, 2000. — 414 с.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.,1979.
3. С.И. Голод. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998. - 272 с.
4. Мартин А.Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. - 480 с.
5. Варга, Анна Введение в системную семейную психотерапию / Анна Варга. - М.: Когито-Центр, 2011. - 184 с.
6. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. – Изд. 5-е. - М., 2011. - 768 с
7. Целуйко В.М. Психология современной семьи: Кн. для педагогов и родителей. - М.: Гуманитарные. изд. центр ВЛАДОС, 2004. - 288 с.
8. Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии. В кн.: Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. – 324 с.
9. Старшенбаум Г.В. Сексуальная и семейная психотерапия. М.,2003 – 300с.
10. Ждан, А.Н. История психологии. От Античности до наших дней: Учебник для вузов.— 5-е изд., перераб. и доп. / А.Н.Ждан — М.: Академический Проект, 2007.— 576 с.
11. Афанасьев А.В. Муж и жена – одна страна: семейная психология супружества/ А.В. Афанасьев, М.А. Афанасьева.- Ростов н/Д: Феникс, 2014.-220с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер,2016. – 713с.
13. Мясичев В. Н. Психология отношений. М.: МПСИ, 2005. — 158 с.
14. О.М. Сергеева, Н.Ю. Жураковская, Воздействие юмора на семейные установки: Вестник ННГУ, 2014, №6, с. 9-10
15. Сорокина Т.Ю. Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи: Автореферат дис. кандидата психологических наук: а19.00.05. Самара, 2007. 22 с.
16. Федеральная служба государственной статистики. Демография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Буряк Виктор Владимирович
Viktor Vladimirovich Buryak

кандидат философских наук, доцент кафедры ФЕНП философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, (ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»)

УДК 323.2

КИБЕРВОЙНА КАК ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

CYBERWAR AS A HIGH-TECH CHALLENGE IN THE INFORMATION SOCIETY

Аннотация: Рассматривается и анализируется проблематика, связанная с возрастанием нестабильности из-за нарастающей угрозы информационных войн – кибервойн. Одной из мер минимизации межгосударственных конфликтов в условиях современного информационного общества является оптимизация мер кибербезопасности. Осмысление технологического, организационного и политэкономического инструментария достаточного для поддержания разумного баланса между информационной открытостью социума и защищённостью его от шпионажа, саботажа и кибервандализма – задача данного исследования. Эффективная социально-экономическая активность организаций и граждан в современном социуме во многом определяется государственными инвестициями, стратегическими программами и рационально обоснованным целеполаганием. Стабильный экономический рост государства зависит не только от финансовых инвестиций в наукоёмкие проекты, но также от степени информационной безопасности в условиях высокотехнологичных кибервойн. Всеобщая цифровизация административно-организационной, экономической и повседневной деятельности граждан в современном информационном обществе объективно обусловлена опасностями и рисками. Кибервойны направлены на деструкцию жизненно-важных экономических отраслей, систем и инфраструктуры государства, путём несанкционированного вмешательства во все виды деятельности граждан. Оптимизация кибербезопасности должна стать объектом междисциплинарного исследования. В данной статье рассматриваются такие темы как киберпреступность, кибервойны, кибербезопасность, цифровая экономика.

Annotation: The problems associated with the increase of instability due to the growing threat of information wars - cyberwar - are considered and analyzed. One of the measures to minimize interstate conflicts in the modern information society is the optimization of cybersecurity measures. Understanding the technological, organizational and political economy tools sufficient to maintain a reasonable balance between the information openness of the society and its protection from espionage, sabotage and cyber-vandalism is the task of this study. The effective social and economic activity of organizations and citizens in modern society is largely determined by public investment, strategic programs and rationally justified goal-setting. Stable economic growth of the state depends not only on financial investments in science-intensive projects, but also on the degree of information security in the conditions of high-tech cyberwar. The universal digitalization of the administrative, organizational, economic and daily activities of citizens in the modern information society is objectively conditioned by dangers and risks. Cyberwar targeted at the destruction of vital economic sectors, systems and infrastructure of the state, through unauthorized interference in all activities of citizens. Optimization of cybersecurity should be the subject of interdisciplinary research. This article examines topics such as cybercrime, cyberwar, cybersecurity, digital economy.

Ключевые слова: информационное общество, национальная безопасность, кибервойны, киберагрессия, кибербезопасность

Keywords: information society, national security, cyber war, cyber aggression, cybersecurity

Введение

На государственном уровне, обеспечение безопасности в киберпространстве предполагает целенаправленные поиски новых способов и средств защиты национальных интересов. В эпоху четвёртой индустриальной революции обеспечение национальной безопасности в информационном обществе находится перед вызовом высокотехнологичных кибервойн. В последние десятилетия

индивидуумы, коммерческие и государственные организации используют киберпространство в качестве ресурсного социально-экономического и пространства (интернет-коммерция и социальные сети) [18]. Интернетизированное интерактивное киберпространство неотделимо от повседневной деятельности многих граждан. Однако, отдельные лица, криминальные группы и некоторые правительственные организации используют высокотехнологичное информационное пространство для продвижения своих административных и корыстных интересов. Среди них выделяются своим киберактивизмом хакеры, которые профессионально совершают взлом компьютерных сетей и похищают данные (персональные и корпоративные). Классический «хакинг» (взламывание баз данных) лишь один из многочисленных инструментов современной высокотехнологичной кибервойны. Руководители криминальных и террористических организаций, разведслужбы вербуют хакеров и с их помощью осуществляют экономический, политический и экономический шпионаж. Современные информационные войны с самого начала появления интернет (*World Wide Web, WWW*) происходят в гибридном формате, зачастую с использованием профессиональных компетенций хакеров. Их высококвалифицированную и иногда креативную работу используют либо непосредственно выплатой зарплаты, либо «в тёмную», бесплатно, мотивируя их романтическими идеалами. Необходимо выделить два основных вида кибервойн: оперативные и стратегические. Оперативное обеспечение кибервойн предполагает использование серии результативных кибератак в контексте проведения локальных классических военных действий (физической войны), в то время как стратегические кибервойны планируются и осуществляются с помощью некоего множества планируемых взаимосвязанных системных кибератак, которые одна страна проводит по отношению к своему стране-противнику [13].

Исследование условий осуществления национальной кибербезопасности в перманентной ситуации тотальной кибервойны предполагает анализ последствий и минимизации морально-политического и материального ущерба на государственном уровне. В ходе любой кибервойны очевидно будут присутствовать как позитивные так и негативные эффекты морального характера для каждого гражданина (например, последствия враждебной пропаганды). В современном информационном обществе интерактивное интернетизированное киберпространство становится всё более значимым. Интернет это глобальная информационно насыщенная «территория смыслов» и к сожалению, *fake news*. Поэтому проблемы связанные с ведением информационных войн, а тем более кибервойн нельзя игнорировать. В этих условиях киберпространство особенно нуждается в эффективных мерах кибербезопасности для всех граждан, организаций и государств. При этом нужно отметить, что с каждым годом растёт угроза международного кибертерроризма. Поскольку основным инструментом враждебной киберактивности являются кибератаки, то причины, факторы и методы проведения методологической киберагрессии, необходимо рассматривать в историческом, политэкономическом и социокультурном аспектах. Последовательная политика обеспечения гарантированной кибербезопасности позволит усилить защитные силы, делая граждан, организации и государства психологически более устойчивыми и менее восприимчивыми по отношению к разрушительным кибератакам [14].

Актуальность исследования. Несмотря на то, что существует множество определений кибервойны, ни одно из них не является общепринятым в рамках международного права. Понятие «кибервойны» часто используется в качестве синонима «информационной войны» или же, как метафору межгосударственного информационного конфликта. Отсюда – эпистемологическая проблематика точного определения данного понятия. Кибервойна (*cyberwarfare*) – в широком смысле, это, по сути, противостояние стран в киберпространстве, при этом она имеет оборонительный и наступательный аспекты, включая компьютерное противоборство враждующих сторон в Интернете. *Cyberwarfare* высокотехнологичная разновидность современной информационной войны, направлена на дестабилизацию онлайн-систем и доступа к высокоскоростному интернету. *Цель* исследования заключается в том, чтобы определить междисциплинарные рамки осуществления гарантированной кибербезопасности в условиях системного нарушения стандартной работы государственных учреждений, банков, учебных заведений и предприятий. Одной из задач инициаторов кибервойн является создание массовых беспорядков в жизни отдельных государств, которые, предполагают киберагрессоры, настолько технологически и организационно несостоятельны, что не могут противостоять кибератакам на стратегически важные сервера, диверсиям, пропаганде, вандализму и саботажу. При изучении широкой проблематики современных кибервойн (*cyberwarfare*) необходимо решить ряд *задач*. В том

числе: 1) определить необходимый баланс между информационной открытостью страны и защищённостью от несанкционированных вторжений; 2) показать, что кибервойны являются комплексным враждебным актом, а не сугубо военной операцией; 3) выделить технико-тактический аспект использования высокотехнологичного оружия в межгосударственных конфликтах. Основная исследовательская проблема заключается в том, чтобы рассмотреть современную кибервойну как объект междисциплинарного исследования, что предполагает участие в специализированных дискуссиях экспертов из таких областей как военные науки, юриспруденция, информационные технологии, экономика, социология, философия и других. Возрастающая экономическая активность граждан и организаций в условиях современного информационного общества нуждается в защите от враждебных действий иностранных государств. Более того, продуктивная экономическая деятельность в условиях перманентных кибервойн нуждается в системе гарантированной информационной безопасности (кибербезопасности). При этом необходимо исходить из того, что приоритеты безопасности определяются государственными органами. Позитивные результаты реализации государственной программы технологического прорыва осуществимы сугубо в рамках цифровизации экономики [1].

А это означает, что существенный экономический рост зависит не только от финансовых инвестиций, сколько от эффективных мер обеспечения информационной безопасности экономической деятельности граждан и предприятий. С целью сохранить свой информационный суверенитет и осуществлять контроль информационных потоков государственные органы создают специализированные организации. Несмотря на предпринимаемые спецслужбами меры безопасности, количество киберпреступлений с целью доступа к секретным государственным документам и осуществления диверсионно-деструктивных действий постоянно возрастает. Об этом дискутировали ведущие эксперты на RSA 2018, крупнейшем в мире мероприятии по кибербезопасности в Сан-Франциско (*RSA 2018, in San Francisco*) [20]. Ускоренная тотальная цифровизация всех видов человеческой деятельности неизбежно влечёт за собой опасности и риски (реальные и мнимые). Ежегодно проводятся Международные конгрессы по информационной безопасности, что позволяет экспертам в области обеспечения кибербезопасности обмениваться актуальным профессиональным опытом [2]. Обмен опытом в сфере кибербезопасности является весьма ценным для минимизации материального и морального ущерба от непрекращающихся кибервойн. Эти высокотехнологичные войны в планетарном масштабе наносят существенный ущерб фактически всем гражданам и организациям (государственным и коммерческим). Ежесекундно глобализированные интернет-корпорации в автоматическом режиме связывают точки входа в киберпространство и паттерны персонального поведения пользователей.

Глобальные информационные мегакорпорации отнюдь не бескорыстны. Они достаточно плотно контролируют не только финансовые потоки, но также и конфиденциальную информацию. Какова степень коммерческих и моральных злоупотреблений в условиях информационных монополий (*Google, Twitter* и *Facebook*)? На эти экономические и экзистенциальные вопросы пытается ответить Фрэнк Паскуале [17]. Информационное общество является современным этапом научно-технологического и социально-экономического прогресса. Однако, продвинутое технологические достижения (*new and emerging technologies*) имеют не только «позитив», но и свою оборотную сторону. Помимо очевидной угрозе разрушительных кибервойн, высокотехнологичная инфосфера породила такой феномен как *Dark Net / Deep Net*. Марк Гудман, эксперт в области глобальной безопасности (*leading authority on global security*) убеждён, что параллельное прозрачному цифровому миру, «цифровое подполье» (*Digital Underground, Dark Net, Deep Net*) помогает киберпреступникам, коммерчески заинтересованным информационным корпорациям и правительственным организациям, используя новейшие технологии, делать всех граждан более уязвимыми, чем когда бы, то ни было в истории человеческой цивилизации. Он убеждён, что даже самый сложный кибернетический гаджет, будь то имплантируемое медицинское устройство, беспилотный автомобиль или летательный аппарат, 3D принтер и т. д., может быть взломан преступниками. Последствия для отдельных граждан (персональные) и на уровне государственных структур, убеждён Марк Гудман, будут катастрофическими [7].

В современных кибервойнах особая роль отведена так называемым «хакерам», талантливым программистам, которые, по тем или иным причинам, находятся в конфликте с существующим уголовным законодательством. Темы, связанные с рисками обеспечения кибербезопасности для надёжного функционирования цифровой экономики раскрывается Мэтью Мэзером в

художественной форме. События романа-техноутопии *Darknet* происходят в турбулентном мире будущего, где биткойны и криптовалюта являются единственными способами оплаты за любые услуги внутри хакерских субкультур. *Darknet* – пугающе реалистичный техно-триллер (*noir/tech edge*) фундирован конспирологическим нарративом. Это квазинаучное фантазмагорическое повествование о том, как некая глобальная корпорация скрывает от граждан свои опасные тайны (*dark secrets*). Раскрыть темную тайну манипуляций со стороны мега корпорации берутся маргиналы Джейк О'Коннелл и Джин Хуан. [15]. Попытки сохранять анонимность и конфиденциальность в глобализированном киберпространстве по всей видимости тщетны. Проблема защищённой анонимности пользователей в ситуации глобальной кибервойны беспокоит не только обычных пользователей, но в гораздо большей степени государственные структуры. Здесь необходимо выделить технологический и юридический аспекты. Такие службы как *CIA* (*Central Intelligence Agency*, Центральное разведывательное управление США, ЦРУ) и *NSA* (*National Security Agency*, Агентство национальной безопасности Соединённых Штатов, АНБ – одно из подразделений МО США, разведывательный орган, который занимается радиоэлектронной разведкой и защитой электронных коммуникационных сетей) отслеживают *cookies* любого пользователя по всему миру, предотвращая кражу стратегически важных данных [10]; [11].

Кибервойны: военно-политические и экономические

Исторически детерминированная конкуренция между государствами, перманентные конфликты из-за сырьевых и информационных ресурсов, породили такое актуальное явление как «кибервойны». Такого рода высокотехнологичные конфликты порождают ряд киберопасностей. Поэтому проблематика кибербезопасности наиболее актуальна в условиях современного информационного общества. Благодаря существованию «Всемирной Паутины» (*World Wide Web, WWW*), сегодня расширяется киберпространство для скоростной гуманитарной и коммерческой коммуникации. Однако, интернет-пространство используется также с целью деструктивной террористической деятельности (*global tool for terrorists*). Глобальная информационная сеть также является инструментом несанкционированного доступа к защищаемым базам данных, используется для компьютерного шпионажа. Эти факторы в контексте проведения кибервойн реально угрожают национальной безопасности [24]. Джек Голдсмит и Тим Ву задаются сакраментальными вопросами: Кто контролирует Интернет? Устраняет ли Интернет национальные границы? Насколько зависит будущее Сети от деятельности интернет-инженеров, талантливых программистов, ООН или воли самых могущественных государств? Либертарианские романтические иллюзии о том, что Интернет может навсегда освободить нас от контроля правительств и даже наших био-физических «я», Джек Голдсмит и Тим Ву подвергают критике. Европейский союз установил чёткие стандарты конфиденциальности в Сети для всего мира; борьба за контроль над киберпространством и мошенничеством отвлекает силы спецслужб. Фундаментальная роль правительств и управление сетями непреложны, показывают Джек Голдсмит и Тим Ву [6].

Начавшийся в 1996 году со стороны американских военных переход к сетевым войнам и созданию *Network-Centric Warfare (NCW)*, означал интеграцию сенсорных сетей (*sensor grids*), *C & C grids* и прецизионного таргетинга для увеличения скорости передачи команд, представляя собой оригинальный военный манёвр. Эта мера способствовала дальнейшему осуществлению эффективных высокотехнологичных атак для победы в будущих кибервойнах [23]. Эксперт по борьбе с терроризмом (*counter-terrorism expert*) Ричард Кларк предупреждает об уязвимости США в ходе гипотетического международного конфликта в комплексных условиях высокотехнологичного мира – «кибервойне». Он сфокусировал своё экспертное внимание главным образом на вопросах киберзащиты (*cyber defense*) [5]. «Кибервойна продолжается» – таков был вывод экспертов *RAND* о ситуации в Сети интернет в 1993 году. Ещё сравнительно недавно, в 2005 году военные эксперты США хвастались, что теперь будут успешно сражаться и побеждать в киберпространстве. Томас Рид анализирует эти пафосные заявления и некоторым образом подводит итоги этого «шапкозакидательства» почти двадцать лет спустя [19]. Действительно ли кибервойна развернулась на так называемом «пятом матриксе» (*fifth domain*)? Угроза обрушения кибербезопасности США, по мнению Томаса Рида состоит из трех составляющих: шпионажа (*espionage*), саботажа (*sabotage*) и подрывной деятельности (*subversion*). Он рассматривает самые значительные взломы сети и кибератаки (*most significant hacks and attacks*). В его книге поставлены ключевые вопросы: Что собой представляет кибер-оружие (*cyber weapons*)? Насколько вероятна и опасна подрывная деятельность

неорганизованных граждан (*crowd-sourced subversive activity*)? Какие страны, экономические отрасли, отдельные граждане наиболее уязвимы в киберпространстве?

Джейсон Хили и Карл Гриндал анализируют природу межстрановых конфликтов в киберпространстве в историческом интервале с 1986 по 2012 годы. Артикулируя непримиримость противников в киберпространстве, они обозначают эту конфликтогенную область как «жестокий домен» (*Fierce Domain*). Киберпространство, они доказывают - это такое особое место, *fifth domain* («пятый домен», наряду с землей, воздухом, морем и пространством), где страны борются за мировое военно-политическое лидерство [9]. В киберпространстве уже начались кибервойны нового типа, констатируют эксперты. Ким Цеттер, журналист, специализирующийся на вопросах обеспечения кибербезопасности (*cybersecurity journalist*), описывает историю происхождения компьютерного вируса *Stuxnet* (компьютерный червь *Win32/Stuxnet*) беспрецедентной сложности (*mysterious virus of unparalleled complexity*), когда успешная цифровая атака (*digital attack*) на иранский завод по обогащению урана (*Iranian uranium enrichment plant*), показала, что появились войны нового типа, которые могут иметь такие же разрушительные последствия что и мегатонная бомба. Фактически этот компьютерный вирус оказался цифровым оружием в беспощадной цифровой войне (*digital warfare*) [25]. Корпорации, правительства отдельных государств и даже простые граждане стремятся к тому, чтобы радикально совершенствовать методы контроля и воздействия на существующую интернет-инфраструктуру. В настоящее время руководство США рассматривает киберпространство как оперативный «пятый домен» (*fifth domain*, «пятая территория», наряду с землей, воздухом, морем и пространством) для ведения высокотехнологичной войны. В условиях этой войны нового поколения Министерство обороны (*Department of Defense*), Агентство национальной безопасности (*National Security Agency*) и ЦРУ (*CIA*) – используют команды хакеров (*field teams of hackers*), которые запускают компьютерные вирусы для ударов по мнимым и реальным вражеским целям. В кибератаках принимают участие такие высокотехнологичные гиганты как *Google* и *Facebook*, которые предоставляют военным специалистам огромные структурированные объемы стратегически важной информации. Все кто так или иначе связан с Интернетом, сегодня весьма уязвим, поэтому новый режим кибербезопасности означает, прежде всего значительное повышение уровня компьютерной грамотности населения показывает Шейн Харрис [8].

В условиях враждебного окружения угроза кибервойны увеличивается. Российский концерн «Автоматика» и компания «Цитадель» 12 июля 2018 года анонсировали создание СП «Криптонит», которое будет заниматься военными разработками в таких областях информационных технологий, как квантовые вычисления, криптография, технология блокчейн, *big data*, кибербезопасность и машинное обучение. Финансовые инвестиции в эту компанию должны составить более 4 млрд. рублей. Инициаторы данного проекта планируют, что основной задачей СП «Криптонит», станет привлечение инвестиций для коммерциализации инновационных решений и информационных технологий для существенного укрепления оборонной промышленности РФ. При этом необходимо отметить, что российские военные разработки в области информационной безопасности имеют также большой потенциал для использования его в сфере образования, считает директор радиоэлектронного кластера Ростеха Сергей Сахненко [3]. Проблематику формирования стратегии компьютерной безопасности 1980-х и 1990-х годов рассматривает Фред Каплан, анализируя историю работы компьютерщиков (*computer scientists*) *NSA (National Security Agency)*, Пентагона и Белого дома, которые инициировали современные кибер-войны (*employ cyber wars*). Он детально описывает малоизвестные страницы недавней, казалось бы, истории начиная с войны 1991 года в Персидском заливе, конфликтов в Гаити, Сербии, Сирии, бывших советских республиках, Ираке и Иране. Всюду, где решающую роль играла кибербезопасность, как показывает Фред Каплан, сверхсекретные кибер-подразделения (*beyond-top-secret cyber units*), подразделения военной разведки, специалисты по ведению «информационной войны» (*information warfare*) офицеры, политики и ученые, которые разработали эту новую форму ведения войны, в разной степени ответственны за её последствия [12]. Прежние острые конфликты между национальными государствами в качестве ресурсов противостояния обладали военной силой, финансовыми рычагами, дипломатическим давлением, с тем, чтобы переформатировать наличный мировой порядок. Адам Сегал эксперт по кибербезопасности (*cybersecurity expert*) даёт своё профессиональное видение мутного глобального конфликта (*opaque global conflict*). Он показывает, что правительство США, Россия и Китай ведут в киберпространстве борьбу (*cyberattacks and*

massive cyber-espionage operations) за влияние в условиях развитого информационного общества. Бонус для победителя – контроль и управление интернетом [22].

Почему же государства вторгаются в стратегически важные компьютерные сети других стран? Ответ очевиден: похитить ценную информацию или совершить деструктивную кибератаку. Бен Бьюкенен в своей книге опирается на документы, обнародованные Эдвардом Сноуденом. Ни одно из государств не доверяет другому, к сожалению, это непреложный факт. Автор *The Cybersecurity Dilemma* («Дилемма кибербезопасности») использует исследования реальных киберопераций (*cyber operations*) в современном мире. Он также анализирует достоверные данные по актуальной теме, полученные от влиятельных политиков. Все эти материалы свидетельствуют о том, что вторжение в сети других стран имеет стратегически важную оборонительную ценность [4]. Издержки и потенциальные риски эскалации кибервойн несомненны. Тим Маурер исследует сферу непрозрачных деловых отношений между государственными структурами и хакерами. Киберпространство стало ареной подготовки геополитических инициатив. Поэтому государства ищут хакеров для осуществления внешнеполитических непрозрачных операций. При этом, в качестве кибернаёмников (*cyber mercenaries*) хакеры наносят существенный ущерб правам человека, стабильности обществ и глобальной безопасности [16]. «Белые и пушистые» наивные американцы постоянно обвиняют в мегахакерских кибератаках Китай, Иран, Северную Корею и, конечно же, Россию. Не затрудняя себя аргументами и фактами, Дэвид Сэнгер утверждает, что в 2015 году российские хакеры проникли глубоко в компьютерные системы Демократического национального комитета (*Democratic National Committee*), коварно внедрили в компьютерные сети Белого дома (*White House*), Госдепартамента (*State Department*) и Объединенного комитета начальников штабов (*Joint Chiefs of Staff*). Они же разместили «закладки» на американских электрических и атомных электростанциях, которые дают возможность отключать обширные регионы США [21]. Это весьма похоже на фрагмент конспирологически-параноидального бреда вполне правдоподобных размышлений в контексте специфических фобий технологической революции.

Заключение.

Показано, что исследование проблематики высокотехнологичных кибервойн является актуальным. Рассмотрены вопросы, связанные с возрастанием нестабильности из-за нарастающей угрозы информационных войн (в том числе и кибервойн). Проведён всесторонний анализ осуществления мер эффективной государственной деятельности по защите национальной безопасности. Выделен такой важный аспект как оптимизация мер кибербезопасности. Кибервойна рассмотрена в контексте военно-политических реалий глобализированного киберпространства. Определено, что одной из наиболее эффективных мер минимизации межгосударственных конфликтов в условиях современного информационного общества является оптимизация технологического, организационного и политэкономического инструментария. Достигнута цель исследования, определены параметры необходимого баланса между информационной открытостью социума и защищённостью его от киберагрессии (шпионажа, саботажа и кибервандализма). Отмечено, что эффективная кибербезопасность в ситуации перманентных кибервойн, предполагает функцию защиты национальных интересов. Изучение природы и характера кибервойн должно иметь методологический статус междисциплинарного исследования.

Библиографический список:

1. Буряк В.В. (2017) Цифровая экономика и новая технологическая парадигма / В сборнике: Цифровая экономика в профессиональном образовании // Материалы Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н. В. Молотковой. 2017. С. 61-66.
2. Международный конгресс по кибербезопасности *International Cybersecurity Congress* (2018). 05.07.2018. Москва, Центр международной торговли, Конгресс-центр. Режим доступа: <https://ict2go.ru/events/5617/>
3. «Ростех» инвестирует в военный блокчейн? Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/103843>
4. Buchanan, Ben (2017) *The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust and Fear Between Nations*. England, Oxford: Oxford University Press; 304 p.
5. Clarke, Richard A. & Knake, Robert (2011) *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do about It*. New York City, Manhattan: Ecco; 320 p.
6. Goldsmith, Jack & Wu, Tim (2008) *Who Controls the Internet?: Illusions of a Borderless*. UK, England, Oxford: Oxford University Press; 240 p.

7. Goodman, Marc (2016) *Future Crimes: Inside the Digital Underground and the Battle for Our Connected World*. N.Y.: Anchor; 608 p.
8. Harris, Shane (2015) *@War: The Rise of the Military-Internet Complex*. MA, Boston: Eamon Dolan/Mariner Books; 288 p.
9. Healey, Jason (Eds.) & Grindal, Karl (Eds.) (2013) *A Fierce Domain: Conflict in Cyberspace, 1986 to 2012*. VA, Arlington: Cyber Conflict Studies Association; 356 p.
10. Henderson, Lance (2013) *Darknet: A Beginner's Guide to Staying Anonymous (Penetration testing, Kali Linux)*. South Carolina, North Charleston: CreateSpace Independent Publishing Platform; 88 p.
11. Henderson, Lance (2017) *Tor and the Deep Web: Bitcoin, DarkNet & Cryptocurrency*. WA, Seattle: Amazon Digital Services LLC; 174 p.
12. Kaplan, Fred (2017) *Dark Territory: The Secret History of Cyber War*. N.Y.: Simon & Schuster; 352 p.
13. Libicki, Martin (2009). *Cyberdeterrence and Cyberwar*. N.Y.:RAND Corporation. 238 p.
14. Libicki, Martin (2016) *Cyberspace in Peace and War (Transforming War)*. Maryland, Annapolis: Naval Institute Press; 496 p.
15. Mather, Matthew (2015) *Darknet*. QC, Montreal: Matthew Mather ULC; 346 p.
16. Maurer, Tim (2018) *Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power*. England, Cambridge: Cambridge University Press; 266 p.
17. Pasquale, Frank (2016) *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Massachusetts, Cambridge: Harvard University Press; 320 p.
18. Reveron, Derek S. (Ed.) (2012) *Cyberspace and National Security: Threats, Opportunities, and Power in a Virtual World*. Washington, D.C.: Georgetown University Press; 272 p.
19. Rid, Thomas (2013) *Cyber War Will Not Take Place*. UK, England, Oxford: Oxford University Press; 218 p.
20. RSA Conference 2018 Opens Today In San Francisco (April 16, 2018) RSA Conference, the world's leading information security conferences and expositions. Режим доступа: <https://www.rsaconference.com/.../rsa-conference-2018-open>
21. Sanger, David E. (2018) *The Perfect Weapon: War, Sabotage, and Fear in the Cyber Age*. MA, Danvers: Crown; 384 p.
22. Segal, Adam (2017) *The Hacked World Order: How Nations Fight, Trade, Maneuver, and Manipulate in the Digital Age*. N.Y.: PublicAffairs; 384 p.
23. Stiennon, Richard (2015) *There Will Be Cyberwar: How The Move To Network-Centric War Fighting Has Set The Stage For Cyberwar*. OR, Eugene: IT-Harvest Press; 174 p.
24. Stoll, Cliff (2005) *The Cuckoo's Egg: Tracking a Spy Through the Maze of Computer Espionage*. N.Y.: Pocket Books; 399 p.
25. Zetter, Kim (2015) *Countdown to Zero Day: Stuxnet and the Launch of the World's First Digital Weapon*. N.Y.: Broadway Books; 448 p.

Ботирова Хилолахон
Botirova Hilolakhon

Старшая учительница в Андижанском государственном университете им. З.М.Бабура, г.
Андижан

УДК 78.085.5

ЖАНР «БАЛЕТ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМПОЗИТОРОВ

GENRE "BALLET" IN THE WORKS OF COMPOSERS

Аннотация: В данной статье рассмотрено уникальность жанра балета в произведениях разных композиторов.

Annotation: The uniqueness of the genre of ballet in the works of various composers is considered in this article.

Ключевые слова: Балет, жанры, композиторы, музыка, танец.

Key words: Ballet, genres, composers, music, dance.

Балет как музыкальная форма получил развитие от простого дополнения к танцу, к конкретной композиционной форме, которая часто имела такое же значение, как и сопутствующий её танец. Зародившись во Франции в 17 веке, форма танца началась как театральный танец. Формально до 19-го века балет не получил «классического» статуса. В балете термины «классической» и «романтической» хронологически развернулись от музыкального использования. Таким образом, в 19-м веке классический период балета совпал с эпохой романтизма в музыке. Композиторы балетной музыки 17- 19-го веков, включая Жан-Батиста Люлли и Петра Ильича Чайковского, были преимущественно во Франции и России. Тем не менее, с увеличением международной известности Чайковский при жизни увидел распространение балетной музыкальной композиции балета в целом во всём западном мире.

Примерно до второй половины 19-го века роль музыки в балете была вторичной, с главным упором на танец, в то время как сама музыка была простым заимствованием из танцевальных мелодий. Написание "музыки балета" раньше было работой музыкальных ремесленников, а не мастеров. Например, критики русского композитора Петра Ильича Чайковского воспринимали его писание балетной музыки как нечто низменное.

С самых ранних балетов до времен Жан-Батист Люлли (1632-1687), музыка из балета была неотличима от бальной танцевальной музыки. Люлли создал отдельный стиль, в котором музыка рассказывала бы историю. Первый "Балет действия" был поставлен в 1717 году. Это была история, рассказанная без слов. Первопроходцем был Джон Уивер (1673-1760). Оба Люлли и Жан-Филипп Рамо написали "оперу - балет", где действие исполнялось частично танцами, частично пением, но балетная музыка стала постепенно менее важным. Следующий большой шаг произошёл в первые годы девятнадцатого века, когда солистами стала применяться специальная жёсткая балетная обувь - пуанты. Это позволило использовать более дробный стиль музыки. В 1832-м году знаменитая балерина Мария Тальони (1804-1884) впервые продемонстрировала танец на пуантах. Это было в "Сильфиде". Теперь стало возможным, чтобы музыка стала более выразительной. Постепенно танцы стали более смелыми, с подъемами балерин в воздух мужчинами.

До времени Чайковского композитор балета не отделялся от композитора симфоний. Музыка балета была сопровождением для сольного и ансамблевого танца. Балет Чайковского "Лебединое озеро" был первым музыкальным балетным произведением, который был создан симфоническим композитором. По инициативе Чайковского балетные композиторы уже не писали простые и легкие танцевальные части. Теперь уже основное внимание в балете уделялось не только танцу; композиция вслед за танцами приняла равное значение. В конце 19 века Мариус Петипа хореограф русского балета и танца, работал с такими композиторами как Цезарь Пуни в создании балетных шедевров, которые оба хвастались как сложным танцем, так и сложной музыкой. Петипа работал с Чайковским, сотрудничая с композитором в его работах "Спящая красавица" и "Щелкунчик", или косвенно, через новую редакцию "Лебединого озера" Чайковского после смерти-композитора. Во многих случаях по-прежнему короткие балетные сцены использовались в операх для смены пейзажа или костюма. Пожалуй, самым известным примером балетной музыки как части оперы является "Танец часов" из оперы "Джоконда" (1876) Амилькаре Понкьелли.

Кардинальное изменение в настроении произошло, когда был создан балет Игоря Стравинского "Весна священная" (1913).

Композиторы балета

В начале XIX века балетмейстеры ставили спектакли на собранную музыку, чаще всего скомпонованную из популярных и хорошо известных публике оперных фрагментов и песенных мелодий. Первым, кто попытался изменить существующую практику, стал композитор Жан-Мадлен Шнейцхоффер. За это он подвергался немалой критике начиная с первого своего сочинения — балета «Прозерпина» (1818):

Музыка принадлежит молодому человеку, который, судя по увертюре[* 1] и некоторым мотивам балета, заслуживает поощрения. Но я твёрдо верю (а опыт поддерживает моё мнение), что умело подобранные к ситуациям мотивы всегда лучше служат намерениям хореографа и яснее раскрывают его замысел, нежели музыка почти полностью новая, которая, вместо того чтобы пояснять пантомиму, сама ждёт пояснений.

Библиографический список:

- 1) Goodwin, Noel. "Ballet." Grove Music Online. 13 Dec. 2009. www.oxfordmusiconline.com
- 2) Holloway, Robin. "Sugar and Spice: Robin Holloway Celebrates the Tchaikovsky Centenary." *The Musical Times* 134 (Nov., 1993), 620-623
- 3) Mihailovic, Alexandar, and Jeanne Fuchs. "Tchaikovsky's ballets: Interpretation and performance." *Tchaikovsky and his contemporaries: A centennial symposium*. Westport, CT: Greenwood, 1999. 295-312.
- 4) Warrack, John Hamilton. *Tchaikovsky Ballet Music*. London, England: British Broadcasting Corporation, 1979.
- 5) Wiley, Roland John. "Three Historians of The Imperial Russian Ballet." *Dance Research Journal*, 13, (Autumn, 1980), 3-16

Захарченко Георгий Всеволодович

Доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института
ФСИН России Кандидат философских наук, доцент

Zakharchenko Georgi Vsevolodovich

Associate Professor of theory and history of state and law Samara juridical Institute of Federal
penitentiary service of Russia Candidate of philosophical Sciences, associate Professor

УДК 321.01

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЯХ ПО ПОВОДУ
СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА****(К философскому пониманию их противоречивого единства)****TO THE QUESTION ABOUT THE MAIN THEORETICAL POSITIONS ABOUT THE NATURE
OF THE STATE****(To the philosophical understanding of their contradictory unity)**

Аннотация: Статья посвящена попытке рассмотреть противоречивую природу государства как ведущего института политической власти и как носителя основных правовых норм и принципов общества. Автор попытался уяснить соотношение в государстве добра и зла, порядка и хаоса права и преступления, нормы и девиации.

Abstract: The article is devoted to the attempt to consider the contradictory nature of the state as the leading institution of political power and as a carrier of the basic legal norms and principles of the society. The author has tried to understand the ratio in the state of good and evil, of order and chaos rights and crimes, norms and deviation

Ключевые слова: государство, человек, деятельность, общество, принуждение, наказание, анархизм, собственность, девиация, радикализм.

Keywords: state, person, activity, society, coercion, punishment, anarchism, property, deviation, radicalism

Введение

Человек осваивает и познает мир. Одновременно он очеловечивает его со всем множеством вытекающих из этого последствий и противоречий. Совершая это, он как бы подгоняет окружающий мир под себя, по своей воле и разумению создает социальное и культурное пространство. Делая это, человек нуждался, нуждается и будет нуждаться всегда в простых и ясных критериях, и формах организации которые могли бы отделить добро от зла, порядок и гармонию во взаимоотношениях людей от произвола и хаоса.

Государство как необходимое и противоречивое воплощение добра, зла и принуждения

С давних пор существует традиция, в соответствии с которой универсальное благо организации человеческой жизни и деятельности принадлежит государству. Именно с ним принято было, начиная с глубокой древности связывать практическую реализацию функций порядка и общих интересов. Опыт показывал людям, что в их жизнедеятельности должна существовать четкая граница, отделяющая общепринятые нормы взаимоотношений между людьми от действий, приносящих вред не только отдельному человеку, но и сообществу. Еще у наших древних предков возникает понимание некоей разницы между желательной нормой и несущим некую угрозу отклонением от нее первоначально, пожалуй, единственным критерием этой нормы был полученный результат, добыча приносящая пользу. В последствии, с возникновением первичной системы моральных запретов сам процесс достижения этого результата стал выступать не столь однозначным. Например, можно догнать и убить оленя и обеспечить мясом и шкурой соплеменников, а можно отнять оленью тушу у другого. Чистый результат вроде будет тот же: и ворованное и добытое честно мясо насыщают одинаково. Вот только нормативное действие встраивает более приемлемый уровень рисков: они сосредотачиваются лишь в сфере взаимодействия с природными объектами, из которых человек изымает средства жизни. Ненормативное же, прибавляет к ним еще и риски связанные с нежеланием другого человека отдать добытое им. С солидарным сопротивлением сообщества, у которого средства жизни отнимают. Подобные риски привносили с собой новые разновидности неравенства. В преимущественном положении всегда оказывались те, кто не только

мог успешно присваивать природные дары и совершенствовать процесс их получения, но и имел возможность при определенном стечении обстоятельств с минимальным риском отобрать средства, ресурсы, ценности у других. Государство, привнесившее в общество неизмеримо более высокий уровень организованности совместных действий, было фактором стимулировавшим оправданность подобных рисков.

С тех давних времен парадокс соотношения в жизни людей нормы и преступления против нее состоит как раз в том, что именно ненормативное действие, преступление и содержащееся в нем чувство азарта, риска, удачи и стало достаточно естественным способом практической реализации человека как носителя социально-организующего начала. Именно наиболее способные к насилию и преступлению оказались вождями, предводителями, реально действующей элитой организующей, прежде всего в своих интересах, деятельность большинства людей. Соответственно и создаваемая ими система организации общества основывалась на открытом, демонстративном применении насилия. Именно принуждение, как кара, демонстративное публичное жестокое наказание долгое время были основами организации политической власти.

Иными словами, именно насилие, злодейство и преступление во многом способствовали наиболее эффективному и быстрому возникновению нового в человеческой жизни, которое вызывало интерес, устремляло к активизации всех жизненных сил.

Злой принцип выступил, в практике человеческой деятельности наиболее сильным и динамичным аргументом. Он отрицал и отрицает по преимуществу созерцательно-пассивный способ реализации принципа доброго. Человечество, создавая и развивая основы цивилизации, очертя голову ринулось в отрицание всеобщего и достаточно равно распределенного добра ради обретения через функциональное зло развития как такового.

Важнейшим парадоксом присущим организованному сообществу стало то, что именно изначальное преступление против традиций обычного права чаще всего и становилось отправной символической точкой, с которой начиналось государство. Судите сами: не был ли преступником, например Хлодвиг, или множество полубогатых князей, царей и т.п. осуществивших силовое присвоение власти и начавших для сохранения ее создавать особый аппарат принуждения. Причем именно принуждение к исполнению властной воли столетиями оставалось важнейшей из функций государства, его высшим смыслом и универсальным способом выстраивания отношений через господство и подчинение

Этот парадокс рождает множество противоречий. Наиболее устойчивым из которых являлось и является принципиальное отрицание ценности государства как способа социальной, нормативно-юридической, экономической организации человеческого сообщества. Анархизм как теоретическое воплощение подобных идей ведет свое начало с древних греков: Диогена Синопского, Антифона и Протагора. Он несет в себе простейшую альтернативу реальной, практической общественной несправедливости и существует как социальная и политическая реальность до настоящего времени.

Самое интересное в аргументации анархистов против государства состоит в том, что они абсолютно и безоговорочно правы в своей этико- социальной критике основ этого общественного института. Прав был бунтарь М.А Бакунин, правы были Макс Штирнер, П.Ж.Прудон и множество их последователей во всем мире.

В принципе любое, даже самое совершенное государство несет в себе зло и несправедливость, по крайней мере, в том, что может создать более или менее благоприятные условия для сравнительно небольшого числа собственных граждан в конечном итоге за счет пребывания значительной части человечества во зле, страданиях и несправедливости. Государственный принцип социальной и политической организации в конечном итоге разъединяет людей, сеет вражду и недоверие, которые не могут преодолеть никакие декларации, союзы и прочие попытки трансформировать государство введением в него максимально возможного количества добра забывая об изначальной злой, преступной и несправедливой его природе.

Живучесть идей анархизма питается противоречиями, которые коренятся в неспособности обыденного сознания людей освоить противоречивую целостность собственного бытия. В нём были и будут вечно неразрешимыми фундаментальные противоречия между добрым и злым принципами, до тех пор, пока не придет понимание на уровне обыденной, личной философии достаточно простой вещи. Ее сформулировал в «Патологии русского ума» известный современный русский философ Федор Гиренок.

Добро и зло – не пара и сколько бы мы не пытались вывернуть зло, добра мы не увидим. Зло – не противоположная сторона добра, а добро – не противоположная сторона зла. Это значит, что не существует границы между ними. Отсюда все попытки развести добро и зло, норму и преступление носят достаточно условный, порожденный социальным строем и политическими отношениями характер.[2]

Иными словами мы никогда не сможем достигнуть абсолютного добра, просто ликвидируя или запрещая зло. Пытаясь сделать это, мы уничтожим также и неотделимое от него добро. Более того, попытки анархистов практически уничтожить государство как однозначный носитель социального зла всегда приводили к противоположным результатам: зло просто вырывалось из-под нормативного контроля государственных институтов и оборачивалось примитивным деспотизмом лидера, вождя, господствующей неформальной группы.

В то же время в структуре добра и зла, позитивного и негативного скрывается третий элемент – чистое действие, то есть принципиально нейтральное в отношении оценки его результатов. Все виды человеческой деятельности как физической, так и умственной предстают перед нами системой из трех сообщающихся сфер, находящихся в состоянии неустойчивого равновесия. Две из них представлены явно и отчетливо – это норма и девиация, моральное и аморальное. Скрытой точкой их равновесия и является «чистое действие». Момент или мера его присутствуют в каждом шаге, жесте, желании и предметном действии человека. Применительно к практической деятельности государства это проявляется, прежде всего, в том, что оно одновременно ограничивает системой норм и законов свободу человека и гарантирует ее реализацию также через действие специальных норм и законов. Человек государственный осуществил радикальный разрыв чистого и символического действия. Первое оказалось внутри второго. Оно лишь незримо присутствует и остается некой первичной, родовой, альтернативой, принципиально нейтральной точкой. В чистом действии нет преступления, нет аморальности и безнравственности. Чистое действие приносит «чистый» результат. Зачастую неявный и неочевидный, открывающийся человеку ценой жертв и усилий. Оно уравнивает многочисленные символические манипуляции человечества с добром и злом, нормами и девиациями, законами и преступлениями.

Человечество столетиями искало нормативную основу деятельности вне себя, в сфере всеобщих законов и принципов. Одновременно множество людей на доступном для их индивидуального рассудка и разума уровне пытались найти тот «особый случай», когда стихийно разрушаются условности и возникает возможность за счет вненормативного действия, злодеяния, выйти из неразрешимых противоречий и тупиков, в которых оказались те, кто искренне или по принуждению соблюдал многочисленные юридические и нравственно-этические ограничения, создававшиеся государством и становившиеся основами цивилизации.

Постоянно и неуклонно осознавалась необходимость создавать все более и более обширные и детализированные предписания и законы, регламентирующие все новые и новые грани свободы, открываемые человеком. Количество законов неизбежно приближалось к некоей критической массе при которой оно упорно не хотело приносить позитивные результаты а вызывало в лучшем случае насмешки, а в худшем раздражение, протест, бунт.

Практика отвергала мелочное нормативное регулирование, превращавшее закон, по меткому выражению Канта, в подобие «пособия по домоводству».[8] Точно так же оказались отвергнутыми наивные мечты о создании небольшого количества разумных и справедливых законов, свободно исполняя которые, люди действительно смогут обрести довольство, справедливость и счастье.

Между XVIII и XIX столетиями человечество пережило своеобразный переходный период изобиловавший спорами по поводу сущности и содержания основных прав и свобод человека отраженных в нормативных документах Великой французской революции. Уже тогда были слышны голоса, заявлявшие о том, что должен быть уменьшен формализм в рассуждениях о правах человека. Исчезновение религиозной дисциплины ставило вопрос о формировании в рамках законодательства новых правил обеспечивающих не только права и свободы граждан, но и реализацию их в соответствии с нормами законодательства. Революция создавала не только новые возможности самореализации человека, но и требовала зачастую гораздо более жестких форм и методов контроля над его жизнедеятельностью. Многообразие рождавшихся видов деятельности опережало нормы и предписания, а в промежутке между деятельностью, существующей реально, и деятельностью, регламентированной прочно, утвердились злые принципы, создающие свои нормы и предписания и организующие людей в своих, злых и несправедливых интересах. Особенно плодотворными в

порождении зла и преступных поведенческих девиаций оказывались и оказываются непонятные и нереализуемые законы. Они прямо-таки кричат: «Не выполняй меня, откажись от меня, ты все равно никогда меня не выполнишь и, совершая беззаконие, будешь прав!».

Сосредоточение теоретических и практических представлений об основах организации жизнедеятельности людей в обществе на регламентирующих правилах и законах, навязывающих человеку неочевидную модель его деятельности, породило стремление к тотальному их отрицанию через преступное разрушение нормативных основ миропорядка.

Таким образом, вся система человеческой деятельности разворачивается внутри созданного законами, запретами дозволениями и предписаниями социального и нормативно – правового пространства, где организующей силой становится закон как таковой, выносящий определения относительно оценки человеческого действия как нормативного, то есть несущего в себе социально-одобренный « добрый принцип», так и и девиантного, то есть несущего в себе в большем или меньшем количестве «принцип злой».

Любопытно отметить, что в человеческой истории реально существовал период, оставшийся в памяти как время господства «чистой», вненормативной деятельности. Переход от него к господству символических норм и запретов нашел в культурной традиции человечества отражение в распространенных представлениях о «золотом веке», жизни в раю, которая предшествовала грехопадению и низвержению людей в нынешнюю греховную и злую жизнь. Подобная мифология несет в себе оценки реальных изменений, происходивших в человеческом сообществе.

Если разобраться, что такое «золотой век», то получится, что ему соответствуют религиозно-мистические представления о нормах, правах, добрых и злых деяниях. В подобном мире главной сферой деятельности людей является их жизнь, в природе реализующая по большей части прямое присвоение предоставляемых ею средств. Этот мир суров и опасен, человек в нем уязвим и беззащитен, но это мир существования в гармонии с явлениями, процессами, силами, которые можно только принимать как данность, ибо воздействию и корректировке со стороны человека они просто неподвластны. В нем человек берет себе то, что дает природа, не требующая ничего взамен. Отношения между самими людьми по поводу каких-либо действий, направленных на удовлетворение потребностей пока способны лишь объединять их. С точки зрения человека, здесь господствует «чистое действие», еще никак не обремененное условностями и нормами общества, государства и права. Нормативные регуляции здесь просты и не выходят за рамки естественно-бытового порядка. Обилие, стойкость и бытовая конкретность воспоминаний о подобном миропорядке указывает на то, что существовал он достаточно долго у множества разных народов. В нем не было и не могло быть преступлений, а зло носило субъективный характер, базируясь прежде всего на эмоциональной основе существования индивидов.

На смену подобным отношениям приходит постепенное формирование представлений о собственности. Революционные качества человека преобразуют мир, внося в него нечто субъективно воспринимаемое в качестве зла. Этим злом стала собственность. Первоначально ею становится некая «метафизическая территория», земля особого качества, «родная земля», покровительство сил которой распространяется уже не на всех, а лишь на избранных, исстари живущих на ней. Возникает мир «своих» и мир «чужих». Добро как бы «уходит внутрь», остается таковым лишь для своих, оборачиваясь злом к чужаку. Соответственно деятельность своего среди своих на своей земле становится нормой, а такая же точно деятельность на этой же территории чужака – отклонением, девиацией.

Дальнейшее развитие социальности только увеличивает количество непонятных и неочевидных для естественно-бытового мировосприятия условностей, запретов и ограничений. Массовое сознание воспринимает это как глубокую несправедливость, которую можно терпеть, к которой приходится приспособляться, но которую можно и нужно нарушать при любом подходящем случае. Подобное отношение к многочисленным и разнообразным символическим ограничениям «чистого действия», множество из которых столь древни и прочны, что воспринимаются естественной основой «всеобщего законодательства» и служат основой для представлений Канта о склонности ко злу в человеческой природе.

При ближайшем рассмотрении эта склонность представляет собой ни что иное, как набор основных мотивов и типов девиантного поведения людей, выстраивающих практическое, обусловленное ситуацией и внутренней установкой, отношение к символическим ограничениям и

нормам социальной жизни, изначально воспринимаемым как несправедливые, непонятные и искусственные.

Соответственно среда социального действия людей заполнена прежде всего злом, которое ведет за собой еще и разнообразные формы насилия и преступлений. Инстинктивно чувствуя несправедливость и противоестественность подобного положения дел, особенно в сравнении с мифологизированным «золотым веком», человек с давних времен пытался найти принципиальный, системный путь устранения зла, как такового, из своей жизни. Парадоксальным образом это проявилось в преступности. Можно предположить, что именно благодаря метафизической противоположности собственника и вора и возник особый воровской мир, деятельностью и нормами своими отвергающий право собственности как социальный институт.

Если воровство представляет собой лишь простейшую форму практического противостояния обыденного сознания социальным символам и нормам, которые воспринимаются как глубоко несправедливые, то на уровне более высоких обобщений рождается убеждение в том, что люди могут и должны очистить свою деятельность от чуждых символов и норм и восстановить равенство чистого действия в качестве естественного закона общественного бытия.

Разворачивается фундаментальный конфликт между человеческой деятельностью, соответствующей нормам и правилам сакрализации собственности и деятельностью стремящейся эти правила игнорировать и нарушать. «Чистое действие» прячется внутри этого конфликта, проявляясь до поры до времени рассуждениями о том, насколько совершеннее был бы мир и реальнее достижение в нем всеобщего блага, если бы на пути не стояли утверждающие зло вопреки изначально доброй программе символы.

В нашем реальном мире борьба с преступлением и преступностью это всегда наказание за уже совершенное зло, которое не устраняет, а только усиливает, укрепляет и укореняет последнее. Возможно множество вариантов, при которых существующие властные структуры воспринимаются большинством граждан, как в целом соответствующие их интересам, достаточно доступные и понятные в своей повседневной деятельности. Следует особо подчеркнуть, что в подобном качестве может в течение исторически длительного времени существовать любая социальная система и любой тип власти, от откровенной деспотии до наиболее развитых демократических моделей. Причем стабильность наиболее архаичных социальных организаций опирается на объективные факторы, соответствующие стагнационным моделям общества, а стабильность глубоко инновационных и подвижных социальных систем – на их практическую способность предоставить гражданам самую широкую свободу в их частной субъективно-революционной деятельности. Следовательно, чем более динамично общество, чем более развиты в нем идеи свободы, личного и группового суверенитета, тем легче там вспыхивают очаги прямого революционного действия и тем менее они затрагивают фундаментальные ценности системы.

Подобная общественная организация более всего напоминает мне могучее, хорошо укоренившееся в своей почве дерево. На нем в условиях общего нормального развития могут засыхать и опадать листья, отмирать ветви, но оно будет продолжать свое существование, естественным образом приспособившись к произошедшим изменениям и компенсируя свои частичные потери. Революция практически может реализовываться здесь как постоянно присущее системе свойство, активно проявляющееся в качестве маргинального явления периферии социальной жизни.

Если же существующая социальная система имеет принудительный характер и любое решение, принимаемое ею, приобретает всеобщность, слабо воспринимающую разнообразие реальных частных интересов, то возникающие внутри такой системы конфликты практически сразу приобретают характер принципиального противостояния различных представлений о наиболее общих принципах организации политической системы и властного господства.

После 1991 года некоторое время казалось, что мир стал объективно единым. Было уничтожено глобальное противостояние альтернативных социальных систем. Однако это лишь понизило уровень противостояния, усилив одновременно его внутренний накал и агрессивность, стерло установившиеся ранее гласные и негласные барьеры между допустимыми и недопустимыми формами соперничества. Вдруг оказалось, что завершающая точка в выборе приоритетов глобальных геополитических изменений еще не поставлена никем. Она вынесена далеко за пределы XX, а может быть, и XXI столетия, и итог, даже самый приблизительный, совершенно не ясен и не определен. Во всей своей первозданной остроте встал вопрос: «Какой именно мир является действительно

свободным и благоприятным для людей, и какой облик примет он в эпоху фактически объединившихся в своих преобразующих усилиях последователей Вашингтона и Робеспьера, Ленина и Рузвельта?»

Существует множество проблем и противоречий, которые отражают процесс становления функционирования и развития государственных институтов в процессе отказа от преимущественно насильственных форм организации властного господства. Демократическое государство в отличие от авторитарного создает условия, при которых свобода граждан регулируется не персональными указаниями личного носителя власти или господствующей элиты. Она начинает определяться системой норм и законов, которые формируются с учетом интересов самых разнообразных и зачастую противоположных социальных групп. В этом скрыто практическое проявление диалектики взаимодействия стабильности и нестабильности социально-политических систем.

Хочу заметить, что только советский истмат сводил диалектику к прямой борьбе противоположностей. На самом деле все гораздо хитрее и тоньше. Как изначальный тезис существует некое устойчивое качество. Любая устойчивость, в какой угодно сфере рано или поздно попадает в кризис, разрушающий ее. Она вполне естественно и закономерно сменяется неустойчивостью. И вот удивительно! Школярское понимание диалектики прямо с порога, внутри этой неустойчивости начинает искать (И находит!!!) некие элементы несущие в себе новые, качественно устойчивые качества. На самом же деле обретение кризисности, зыбкости, есть обретение вполне самостоятельного качества имеющего потенциал к существованию и развитию именно как **устойчивое бытие-в-кризисе**.

В нем содержится лишь намек, "благая весть" о том, что при каких-то определенных условиях, в течении некоего неопределенного же временного промежутка могут появиться некие черты принципиально нового качества, **иного** устойчивого возникающего на другой основе и с устойчивостью докризисной ничего общего не имеющего в качественной своей определенности несмотря на возможную похожесть некоторых внешних образов и проявлений. Повтор в этом цикле лишь в том, что точно также как неустойчивость пришла на смену устойчивости, ее заменит некая иная устойчивость принципиально нового свойства не порожденная непосредственно из **бытия-в-кризисе**, а принципиально иная, по сути, и ничего общего с ним не имеющая. Глубокой ошибкой является расчет на поиск устойчивости **внутри кризиса** на то, что сумма запретов и кар, сворачивающих наиболее явные проявления кризисности породит фундаментальную устойчивость системы.

В плоскости практической проиллюстрировать эти закономерности достаточно трудно потому, что практика, формируя вариативный хаос возможностей развития, часто уводит мысль от принципиальных, внешне абстрактных, но требующих неприменного решения вопросов. Например полный цикл перехода устойчивость-неустойчивость устойчивость демонстрировали буржуазные революции Европы, разрушавшие феодализм и создававшие достаточно причудливые формы организации общества, государства, власти, **внутри** революционного процесса.

С определенными существенными допущениями к этому типу социально-политической организации может быть отнесен бонапартизм. На смену которому, приходил собственно капитализм, в чем то сохранявший в некоторых своих деталях и проявлениях видимость преемственности, как к позднему феодализму, так и революции, но в сути не имевший с ними ничего общего.

Россия образца 1917 года, как носитель сформированной в конечном итоге большевиками **внутри радикалистского понимания революции** подобной «бонапартистской»(сталинистской!-Г.З.) квазиустойчивости пришла к полному краху к началу последнего десятилетия XX века.

Она не сумела создать внутри себя ничего качественно нового так как пробарахталась беспомощно внутри первого отрицания, не сумев породить из своей революционной кризисности **действительно нового** устойчивого качества социальных отношений, экономики, политики.

В самом деле, что было в фундаментальной, нормативно-правовой и социально-экономической основе СССР? Ничего кроме оформленного законодательно **ЗАПРЕТА** частной собственности и всех порождаемых ею связей и отношений. Но запрет сам по себе нового **качества** ни в каких страшных муках и судорогах родить не может! Запрет по определению бесплоден.

Вот и получилось, что внутри этого запрета происходил сначала латентный, а потом и явный процесс восстановления ушедшего качества старой частной собственности которая в конечном итоге и победила более 20 лет тому назад. Основы **устойчивости** найденные непосредственно внутри

системы радикалистского разрушения слабы именно тем, что формируют ее за счет силового подавления множества альтернатив.

Запрет не бывает не только вечным, но и исторически длительным так как несет в себе недоступный простому и рациональному пониманию ответ на вопрос : «Почему собственно, на какой такой высшей смысловой основе этот запрет существует, в то время как значительное количество людей могут без него прекрасно обходиться?»

Заключение

Из всего сказанного выше следует прежде всего вывод о том что несмотря на свою «живучесть» исторически бесплоден крайний революционный радикализм и, соответственно, обречены на бесконечное воспроизведение самых жестоких и кровавых конфликтов не имеющих конечной цели и не ведущих к какому либо значимому результату все попытки решать социальные и политические проблемы с его помощью. Вне зависимости от своего идеологического или теологического наполнения он способен порождать лишь своеобразный радикалистский «бег на месте», порождающий лишь жестокость злобу и фанатизм.

Библиографический список:

1. Гайденко П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте .- М., 1990.
2. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности . – М.; 1998.
3. Карл Левит . От Гегеля к Ницше . Революционный перелом в мышлении XIX века . - СПб., 2002.
4. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма.- М., 1974.
5. Альбер Камю . Бунтующий человек.- М., 1990.
6. Мераб Мамардашвили . Кантианские вариации .- М., 1997.
7. Мартин Хайдеггер . Бытие и время .- Харьков. 2003.
8. Иммануил Кант. Трактаты .- СПб., 1996.
9. Платон. Диалоги . – М ., 1984.
- 10 . Макс Штирнер . Единственный и его собственность.- Харьков. 1994.
- 11 Фихте . Сочинения . Т. 1 - 2 .- СПб., 1993.
12. Федоров Н.Ф. Сочинения . Т. 1. – М., 1994
- 13 .П. Вайль и А. Генис. Мир советского человека.- М., 1998.

Атаманов Геннадий Альбертович**G. A. Atamanov**

кандидат философских наук

E-mail: g.a.atamanov@yandex.ru

УДК 001.19

АНТИНАУКА, ПСЕВДОНАУКА, КВАЗИНАУКА – ЧТО ЭТО И КАК С НИМИ БОРОТЬСЯ?**ANTI-SCIENCE, QUASI-SCIENCE, PSEUDOSCIENCE – WHAT IT IS AND HOW TO DEAL WITH THEM?**

Аннотация: в статье уточняются дефиниции терминов «антинаука», «квазинаука», «псевдонаука», приводится два варианта классификации понятий, обозначаемых этими терминами, высказывается предложение по формированию правильного, с точки зрения автора, отношения к различным видам познавательной деятельности и их представителям.

Abstract: the article specifies the definition of the terms "anti-science", "quasi-science", "pseudoscience" gives two types of classification concepts denoted by these terms, it is proposed to develop right attitudes to various types of cognitive activity and their representatives

Ключевые слова: наука, антинаука, квазинаука, псевдонаука.

Keywords: science, anti-science, quasi-science, pseudoscience.

Разговоры о лженауке и необходимости борьбы с ней ведутся в России уже давно. Создана даже Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая на регулярной основе издаёт свой журнал, целиком посвящённый этой проблеме. Десятки неравнодушных учёных в различных изданиях (в т.ч. и в Интернете) высказывают своё мнение по данной проблеме. Желание высказаться по этому вопросу было и у меня, но, как часто бывает, постоянно находились более важные дела. Толчком к написанию данной статьи послужила статья профессора М.Я. Амусьи «Антинаука, квазинаука, псевдонаука (Невежество на марше, а потому «прошу к столу – вскипело!»)», опубликованная на сайте «Электронный научный семинар» [1].

В целом, я разделяю справедливое негодование автора статьи по поводу «распространения всевозможных доммыслов, паразитирующих на науке, и только по виду и неуместно применяемым терминам связанных с нею» [1].

Вину за это Мирон Янкелевич возложил на:

безответственных авторов;

множество поглотителей любой «информации»;

вновь народившееся племя «рассыльчиков», которые пересылают по широкому списку всё, что им попадается.

Учитывая то, что в науку (если считать таковой философию) сам я пришёл довольно поздно (поступил в аспирантуру в 47 лет, а защитился в 50) и готовился, в основном, самостоятельно (по учебникам, словарям и энциклопедиям), по привычке я попытался уяснить, о чём и о ком идёт речь в статье. Тем более что в самом её начале М.Я. Амусья заявил, что у него «возникло желание высказаться на тему того, что можно именовать псевдонаукой, квазинаукой или антинаукой и занятыми ими не учёными, или попросту неучами» [1]. Но прочитав статью, я так и не нашёл определений понятий, обозначаемых терминами «антинаука», «квазинаука», «псевдонаука», и не понял, кому направлено столь эмоциональное послание (не считая Петрика).

Нашёл несколько категорий субъектов, на которых пал гнев автора. Это:

- авторы доммыслов;

- дилетанты;

- неучи;

- шарлатаны;

- жулики.

Все они, по мнению Амусьи, «в полной мере пользуются благами информационного прогресса» [1], т.е. Интернетом, и виновны в распространении анти и псевдонауки.

Определений понятий «антинаука», «квазинаука», «псевдонаука», как было уже отмечено выше, в статье я не нашёл, но нашёл признак, который, по мнению М.Я. Амусьи, характеризует

псевдонауку: «вернейшая черта псевдонауки – претензия на полный переворот в существующей системе знаний» [1]. Предложение новой картины мира, по его мнению, тоже являлось признаком псевдонауки.

Прочитав это, я расстроился: в конце 2017 года вышла в свет моя монография, в которой я претендую на полный переворот в представлении о физической сущности информации, а также предложил новую – информационную – модель Мира, т.е. модель, включающую и раскрывающую категорию «информация» [2].

К счастью, до этого какой-то устоявшейся и общепринятой модели не было. Была мозаика из околонуточных суждений и высказываний по поводу феномена под названием «информация», но единой теории и научной картины мира, включающей информацию, не существовало. Я-то как раз и думал, что предложенная мной концепция информации носит научный характер, а всё, что было написано/сказано по поводу информации раньше, это и есть псевдонаука, квазинаука и антинаука.

Желание разобраться, к какой категории относится то, что написал я, ещё больше подвигло меня к поиску ответа на вопрос: что есть антинаука, квазинаука и псевдонаука?

Очевидно, что для того чтобы определить, что есть антинаука, квазинаука и псевдонаука, нужно сначала уяснить, что же такое есть собственно наука, т.е. то, что лежит в основе этих понятий и является их инвариантом.

Словарных определений понятия «наука» оказалось очень много. Единого, признаваемого всеми, к сожалению, найти не удалось.

«Наука» в разных словарях определяется по-разному: это и сфера деятельности, и область культуры, и система знаний, и вид деятельности:

- сфера деятельности человека, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация знаний о действительности (Краткий словарь философских терминов);
- область культуры, связанная со специализированной деятельностью по созданию системы знания о природе, обществе и человеке (Энциклопедия культурологии);
- система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления и о способах планомерного воздействия на окружающий мир (Толковый словарь Ушакова);
- особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире (Энциклопедия эпистемологии и философии науки).

Проанализировав эти определения, я пришёл к выводу, что они не противоречат друг другу, а дополняют друг друга, и между ними нужно поставить знак конъюнкции («и»). Другими словами, наукой следует называть только то, что отвечает сразу всем критериям, перечисленным в приведенных выше определениях.

Дальше, чтобы определиться с понятиями «антинаука», «квазинаука» и «псевдонаука», нужно было уяснить, что означают приставки «анти», «псевдо» и «квази».

Из тех же словарей узнаём, что:

анти – (греч. *anti* – против). Приставка, употребляемая с другими словами, для означения противоположности или противодействия [3];

псевдо – (от греч. *pseudos* ложь). Частица, приставляемая впереди некоторых слов и придающая им значение фальшивости, ложности, равнозначное нашему: лже [3];

квази (лат. *quasi* как будто, будто бы) приставка, соответствующая по значению словам мнимый, ненастоящий, напр.: квазинаучный, квазиученый [4].

Соединив приставки с корневым словом, получаем следующее:

антинаука – противоположность науки (противонаука);

квазинаука – мнимая наука (как будто наука);

псевдонаука – фальшивая наука (лженаука).

Теперь стало понятно, что квазинаука и псевдонаука – это, всё-таки, науки, а вот антинаука – это однозначно не наука, её прямая диалектическая противоположность. Думаю, с пониманием того, что отвечает этому признаку ни у кого не будет затруднений: совершенно очевидно, что это религия.

Религия – это единственная и сфера деятельности, и область культуры, и система знаний, и вид деятельности, и социальный институт, однозначно подпадающий под определение антинауки и являющийся таковым по своей сути. Несмотря на то, что современная европейская наука в какой-то степени вышла из стен монастырей, это не было заслугой церкви. Наука развивалась вопреки церкви, какой бы эта церковь ни была. Просто и в стенах монастырей встречались любознательные субъекты, стремящиеся к знаниям, а не довольствующиеся ложными догматами. О том же, как

боролась церковь на протяжении своего тысячелетнего существования со светской наукой, особенно напоминать не приходится: Сократ, Галилей, Бруно и тысячи других отравленных, сожжённых, повешенных, замученных, гонимых.

Но религия сегодня, если можно так сказать, противоположность пассивная. В объём же понятия «антинаука» входит не только просто её противоположность, но ещё и противодействующая, т.е. противоположность активная: нечто не только противостоящее, но и противодействующее науке. С пониманием того, какой институт/вид деятельности обладает данным признаком, по-моему, у подавляющего большинства читателей возникнут проблемы. Мало кому придёт в голову, что это и есть та самая Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. И здесь нет ничего анти-, псевдо- или квазинаучного. Этот вывод вполне логично вытекает из рассуждений по законам формальной логики: Комиссия борется с лженаукой; лженаука – хоть и ложная, но наука (как и псевдонаука); следовательно, Комиссия борется с наукой; борьба с наукой (какой бы она ни была) – антинаука. Вывод: Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований – самый, что ни на есть, антинаучный институт, а её деятельность – чистой воды антинаука.

Для корректности рассуждений стоило бы ввести ещё одно понятие – настоящая наука. Наука – родовое понятие, в объём которого входят видовые – псевдонаука, квазинаука и, допустим, прагматнаука (от греч. *pragmatikí epístimí* – настоящая наука). Антинаука, как я уже отметил выше, к науке не имеет никакого отношения и в объём понятия «наука» не входит.

Чтобы разобраться, к каким из перечисленных выше категорий относятся те или иные виды познавательной деятельности, я свёл их в таблицу, в которой по горизонтали указал признаки науки, а по вертикали виды познавательной деятельности, претендующие на системность полученного в результате знания. В ячейках таблицы при наличии соответствующего признака у соответствующего вида познавательной деятельности я ставил знак «+», при отсутствии – знак «-». В зависимости от совокупности признаков у видов познавательной деятельности я определял их отношение к науке (Табл.1).

В данной таблице нет искусства как вида познавательной деятельности, потому что искусство таковым никогда не было и не будет, несмотря на мнения некоторых авторитетных деятелей, в том числе, и учёных. Искусство не призвано добывать знание, его главная задача – выражение. Науки, предметом исследования которых является искусство, имеют место быть, имеют право называться науками и входят в блок «гуманитарные науки», но само искусство как сфера деятельности, область культуры, система знаний и вид деятельности к науке имеет отношение только как потребитель и, иногда, выразитель её достижений. Другими словами, искусство не призвано изучать что-либо и потому не относится к виду познавательной деятельности. Оно только выражает отношение автора произведения к некоторому фрагменту хорошо, если знаний о реальной действительности, которые у деятелей культуры, как правило, весьма и весьма ограничены, а чаще – представлений о ней, которые у них весьма специфичны.

Таблица 1. Соотношение признаков науки у различных видов познавательной деятельности

Признак науки	Сфера деятельности, функцией которой является выработка и систематизация знаний о действительности	Область культуры, связанная со специализированной деятельностью по созданию системы знания о природе, обществе и человеке	Система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления и о способах планомерного воздействия на окружающий мир	Особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире	Отношение к науке
Естественные науки	+	+	+	+	Прагматнаука
Технические науки	+	+	+	+	Прагматнаука
Гуманитарные науки	+	+	+	-	Квазинаука
Эзотерика	+	+	-	-	Псевдонаука

Религия	–	–	–	–	Антинаука
---------	---	---	---	---	-----------

Результат меня поразил и заставил несколько усомниться в его правильности: а всё ли я сделал по правилам, правильно ли определил наличие/отсутствие соответствующего признака и правильно ли определил в итоге отношение соответствующего вида познавательной деятельности к науке. Перепроверил. Ошибок не нашёл. Тем не менее, решил убедиться и составил ещё одну таблицу с несколько иными параметрами.

В некоторых учебниках философии к признакам науки авторы относили наличие:

- объекта познания;
- специально подготовленного субъекта;
- специального метода;
- специфического языка.

Я добавил ещё один признак – «результат», в качестве которого решил принять полученное в результате познавательной деятельности знание. То, что у меня получилось (Табл. 2), поразило меня ещё больше и укрепило в сознании правильности проделанной работы и сделанных по её результатам выводов.

Таблица 2. Признаки науки у различных видов познавательной деятельности

Вид познавательной деятельности	Объект познания	Спец-но подгот-й субъект	Основной метод	Язык (сленг)	Результат	Отношение к науке
Естественные науки	природа	+	наблюдение, эксперимент, расчёт	+	Практическое (конкретное) знание	Прагматнаука
Технические науки	механизмы	+		+		
Гуманитарные науки	общество и человек	+	наблюдение, логика	+	Спекулятивное знание	Квазинаука
Эзотерика	природа и человек	+	наблюдение, интуиция	+	Мистическое знание	Псевдонаука
Религия	бог	+	фантазия, вера	+	Фантастическое знание	Антинаука

Очевидно, что такие признаки как наличие специально подготовленного субъекта и специфического языка не являются информативными. Они присущи любому виду профессиональной деятельности и даже преступности («воры в законе» и «феня»). Информативными признаками здесь являются: объект познания, основной метод и результат познавательной деятельности.

Результат очень жёстко коррелируется с целью познания. Цель деятельности во многом определяет её результат. И вот здесь кроется главная, с моей точки зрения, причина всех проблем. Это – подмена целей. Не знаю, как обстоят дела в других странах, но в России сегодня основная цель подавляющего большинства людей, занимающихся наукой, не получение новых объективных знаний о природе, обществе, человеке, а получение соответствующей научной степени и/или научного звания. Эта цель, в свою очередь, жёстко коррелируется с получением соответствующего статуса и денег. И речь здесь стоит вести не о лженауке, а о лжеучёных. Правда, при этом необходимо учитывать, что учёный – это не только добытчик (генератор) нового знания, но и учитель (популяризатор), и хранитель (систематизатор), и человек, призванный реализовать знание на практике. А главный вред (здесь я полностью согласен с А. Воином) состоит не в том, что государство тратит деньги на зарплату псевдоучёным, а «в ментальной деградации общества, приводящей к тому, что все процессы в нем и прежде всего политические и экономические текут не так, как в обществе с нормальной ментальностью» [5].

Наука, даже если ею занимается лжеучёный, не становится лженаукой. Аналогично тому, как если лжеводитель садится за руль автомобиля, то от этого автомобиль не становится лжеавтомобилем. Равно как и наоборот: если за руль игрушечного автомобиля садится профессиональный водитель, от этого автомобиль не становится настоящим.

Если наукой занимается лжеучёный, то он создаёт лжетеорию (лжеучение), но не лженауку. С моей точки зрения, это нужно очень чётко понимать и очень чётко различать.

Научное знание в подавляющем своём большинстве состоит именно из лжетеорий. И в этом нет ничего плохого. Именно это качество теорий позволило К. Попперу выдвинуть свою теорию фальсификации. Более того, главным критерием теорий является не истинность/ложность.

Теории вообще не могут быть ни истинными, ни ложными!

Теории могут быть правильными (созданными по правилам) или неправильными (созданными с нарушением правил), а также хорошими (объясняющими большее количество (в идеале – все) наличных фактов, процессов, явлений, имеющими хорошие прогностические свойства) или плохими (объясняющими некоторые наличные факты, процессы, явления, имеющими слабые прогностические свойства). Истинными/ложными могут быть только конкретные знания (данные) [2, 103]. При этом, по логике, неправильные теории могут давать истинные данные, а правильные – ложные.

Даже если придерживаться традиционного подхода и традиционной терминологии, то т.н. «истинных» теорий, на самом деле, единицы. Я знаю таких всего несколько – геометрия Евклида; теория всемирного тяготения Ньютона; сопромат и ..., наверное, есть ещё одна-две. Всё остальное – лжетеории, включая теорию относительности Эйнштейна, квантовую физику, теорию большого взрыва, теорию тепловой смерти Вселенной, теорию струн и т.д., и т.п. А что можно придумать более анти-, псевдо- и квазинаучного, чем рассуждения о т.н. тёмной энергии? Энергия – скалярная величина и такого феномена – энергия – в природе не существует, но сотни, а то и тысячи учёных, в т.ч. академиков, на полном серьёзе ведут речь об этой – оторванной от материи и непонятно как без неё существующей – энергии. Ими впору уже заниматься не комиссии по лженауке, а психиатрам. Но, к сожалению, ничего подобного мы не наблюдаем.

Важно также понимать, что принадлежность знания к категории «научное» не гарантирует его истинности! Иногда интуитивно постигаемое знание оказывается более достоверным, нежели научно обоснованное. Яркими подтверждениями этого тезиса являются, например, чжен-дзю терапия и шиатсу.

«Наивные люди думают, что наука – это такая очень умная область, где трудятся исключительно выдающиеся умы, и их деятельность направлена исключительно на благо человечества, а результаты их деятельности – это несомненные истины, всю глубину которых неспособен понять обычный человек (собеседник), а потому он должен смиренно преклонить голову перед блестящими достижениями лучших представителей Homo Sapiens», - пишет в своей статье П. Котельников [6].

Кстати, в цитируемой мной статье, Котельников приводит свою классификацию «групп людей», занимающихся наукой. Классификация эта, конечно же, имеет право на существование и заслуживает изучения, но, главное, она наглядно демонстрирует, что только незначительная толика учёных занята добычей истинного знания, а подавляющая их часть занята добычей денег.

Но сейчас не об этом. Сейчас – о том, как с этим бороться.

Я считаю, что бороться нужно! Но не с тем, что сейчас называют лженаукой (тем более такими методами, как предлагает, например, Е.Б. Александров [7]) и даже не с лжеучёными.

Бороться нужно не «против», а «ЗА»!

За качество подготовки тех, кто идёт в науку!

За качество статей и диссертаций, которые они пишут!

За качество проведения научных конференций!

За качество процедур защиты диссертаций!

И так далее и тому подобное.

Русскоязычные «научные» журналы, сборники «научных» статей, выступления на «научных» конференциях в подавляющем своём большинстве – сборники квазинаучного хлама, «кладбища статей», как шутят некоторые молодые учёные. Почему так происходит? В первую очередь потому, что сегодня в высшей школе всех подряд заставляют писать эти пресловутые «научные» статьи. Болонская система обязывает. Наверное, даже не болонская система, а её специфическая трактовка российскими чиновниками от науки. Я как-то, перефразируя Л.Н. Толстого, по этому поводу писал: научные статьи должен писать не тот, кто может их писать, а тот, кто не может не писать! Научные статьи должны писать те, кому есть, что сказать нового, кто хочет обсудить с коллегами новые идеи, услышать их советы и замечания, поделиться своими идеями. Нельзя из науки делать обязательку! Проходили уже. Жизнь показала и доказала несостоятельность такого подхода даже на производстве.

Для науки это не только неэффективно, это – губительно! Но именно это делают российские чиновники от науки. Зачем? Почему?

Целиком и полностью согласен с доктором И. Хейфецем [8]: никакие комиссии по борьбе с лженауками не нужны! Они только создают видимость борьбы, а на самом деле они – лжеборцы с лженаукой. Под видом борьбы с лженаукой они очень даже успешно могут бороться (боролись и, скорее всего, и сейчас борются) с настоящей наукой. Создание комиссии – позор! Есть другие – испытанные, прошедшие проверку временем и действительно эффективные механизмы верификации научной информации – научные конференции, круглые столы, семинары, рецензирование. Верните им подобающее содержание и все вопросы борьбы с лженауками и лжеучёными отпадут сами собой! А что происходит сегодня: слова критического никому сказать на конференции нельзя, обидится, хай поднимет, в суд пойдёт.

Написал я как-то одному доктору наук (причём, в личную почту) о наличии в его выступлении на международной конференции (не просто выступлении, а мастер-классе) грубых методологических и даже грамматических ошибок. Так он стал угрожать мне обращением в аттестационную комиссию ВАК с предложением лишить меня научной степени. Я ответил, что готов к такому повороту событий, только высказал сожаление, что свою правоту мне придётся доказывать в суде, а не на научной конференции. Больше трёх лет прошло с того момента, пока тишина. А первое моё выступление на «Электронном научном семинаре» [9]? Возможно, выступление было излишне эмоциональным, возможно, резковатым, но по делу же! А реакция на него та же – «сам дурак». И так сейчас, практически, всегда и везде.

Но ведь только в диалоге рождается истина!

Не в споре. В споре рождается драка. Истина рождается в диалоге, реже – в полилоге, т.е. разговоре, ведущемся подготовленными людьми по специально разработанным для этого правилам. Не будет диалога, не будет науки! Фундаментальной, во всяком случае. С прикладными науками дела обстоят несколько иначе, но и им не мешало бы вернуться к диалогу.

Здесь в пору вспомнить высказывание К.Р. Поппера: «Примирение с противоречием обязательно приводит нас в этом случае, как и всегда, к отказу от критики, а значит, – к краху науки» [10, 529]. Эта фраза говорит о том, что известный теоретик науки считал отсутствие критики губительным для науки, ведущим к её краху. Свидетелями этого, собственно, мы все сегодня в России и являемся. Возможно, не только в России. Й. Керн по аналогичному поводу восклицает: «Мы повсюду имеем дело с молчаливыми соглашениями, а не с научным знанием» [11]. И он, к сожалению, прав!

Невежды, неучи и шарлатаны в науке и от науки – порождение социальной системы, а не науки! И бороться с ними нужно системными методами, а для этого нужно хотя бы чуть-чуть знать системную теорию, логику, методологию научной и законотворческой деятельности, а ещё иметь ум, честь и совесть. Причём без трёх последних не будет первых. Диалектика! Её тоже нужно было бы знать, но, к сожалению, её уже нет в живых: убита синергетикой – некогда модной, но оказавшейся абсолютно бесплодной в гуманитарном аспекте, лжетеорией. Как, впрочем, и энтропия, и негэнтропия, и много ещё чего. Но, несмотря на то, что все эти теории – теории ложные (лжетеории), все они – теории научные, а, значит, НАУКА.

Кстати, предложенная мной классификация подвидов науки снимает очень много вопросов, например, таких, как: является ли наукой философия, история или педагогика? Да, это – науки, но не прагматические, а квазинауки (математику я тоже отношу к категории «квазинаука»). Даже эзотерика имеет признаки науки и её нельзя отвергать «с порога». Тем более что авторитетные учёные сами бывали свидетелями необъяснимых пока феноменов, видели всё своими глазами и не верить им нет никаких оснований [12]. Куда продуктивнее было бы подтянуть эзотерику до уровня науки. Как? Не знаю! Нужно думать. Вот только религия с её теософией и теологией никогда не были и никогда не станут наукой. Но с ними, с моей точки зрения, тоже бороться не нужно. Разоблачать, как считает Б. Коллендер [13], по-моему, тоже не стоит. Пусть себе существуют. Параллельно. С ними только не нужно дружить и пускать к себе в дом. У религии есть свой дом – церковь, а у науки свой – институт (университет). Пусть каждый живёт в своём доме и по своему уставу и не ходит со своим в чужой.

Библиографический список:

1. Амусья М. Антинаука, квазинаука, псевдонаука (Невежество на марше, а потому «прошу к столу – вскипело!») // Электронный научный семинар. – Режим доступа: <http://www.elektron2000.com/article/1967.html> (дата обращения: 03.12.2017).
2. Атаманов Г.А. Агасофия информации: Природа информации. Информационная модель мира: монография / Г.А. Атаманов; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования "Волгогр. гос. ун-т". - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. - 122 с.
3. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А.Н., 1910. – Имеется электронный аналог: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 14.12.2017).
4. Новый словарь иностранных слов, 2009. – Имеется электронный аналог: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 14.12.2017).
5. Воин А. Наука академическая, альтернативная, лженаука и эпистемология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4ace7d181c6ed> (дата обращения: 12.08.2016).
6. Котельников П. Что такое наука и кто такие учёные? О некоторых формах псевдонаучного манипулирования сознанием необразованного человека // Ящик Пандоры. – Режим доступа: <https://pandoraopen.ru/2016-10-12/chto-takoe-nauka-i-kto-takie-uchyonye/> (дата обращения: 29.01.2018).
7. Александров Е.Б. Феномен лженауки в современном обществе и меры по противодействию лженаучным проявлениям // Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. – М.: Наука, Бюллетень № 13–14. – 2014. – С. 9-18.
8. Хейфец И. Выступление на статью Мирона Амусьи // Электронный научный семинар. – Режим доступа: <http://www.elektron2000.com/article/1967/speech/1989.html> (дата обращения: 14.12.2017).
9. Атаманов Г.А. Выступление по статье «Сложность определения понятия информация, связанная с его многозначностью» // Электронный научный семинар. – Режим доступа: http://www.elektron2000.com/0157/komm_0157.01.html (дата обращения: 14.12.2017).
10. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. / К.Р. Поппер. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.
11. «Физики» - соглашатели купаются в лучах света / По книге Йохан Керн (Johann Kern) «Разгадка вечных тайн природы», часть 7 «Тайны света». – Режим доступа: http://ynik.info/2015/02/03/fiziki_soglashateli_kupajutsja_v_luchakh_sveta.html (дата обращения: 04.01.2018).
12. Гершанович И. Выступление на статью Мирона Амусьи // Электронный научный семинар. – Режим доступа: <http://www.elektron2000.com/article/1967/speech/1980.html> (дата обращения: 14.12.2017).
13. Коллендер Б. Быть более точным и аккуратным // Электронный научный семинар. – Режим доступа: <http://www.elektron2000.com/article/1967/speech/1981.html> (дата обращения: 14.12.2017)

Наимов Умеджон Тошмадович
Naimov Umejon Toshmadovich

Соискатель Институт технологий и инновационного менеджмента г. Куляб тел: 989138686

E-mail umed_92@mail.ru

УДК 37

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

THE MAIN POINT OF CATEGORY OF “COMPONENTS” IN HOME AND FOREIGN PEDAGOGY

Аннотация. Рассматривается проблема информационно-коммуникационной компетентности руководителя академической группы, как важной составляющей его профессиональной культуры. Показаны новые подходы к управлению образовательными заведениями по формированию профессиональной компетентности всех участников учебно-воспитательного процесса и особенно – руководителей академических групп.

Abstract. Considers the problem of information and communication competence of the head of the academic group, as an important component of his professional culture. Shows new approaches to the management of educational institutions in formation of professional competence of all participants of the educational process and especially the heads of the academic groups.

Ключевые слова: компетентность, информационно-коммуникационная компетентность, руководитель академической группы, профессиональная культура руководителя.

Key words: competence, information and communication competence, the head of the academic group, professional culture of the Manager.

Повышение качества педагогического образования является необходимым условием формирования информационного общества и конкурентоспособной экономики. На современном этапе развития Таджикистана активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу образования, в частности, в ВУЗы, является национальным приоритетом. Внедрение в учебно-воспитательный процесс информационно-коммуникационных технологий является требованием времени. Поэтому современное высшее образование должно быть направлено на подготовку компетентных специалистов, в частности руководителей групп, которые имеют соответствующий уровень компетентности.

Доминирующей тенденцией развития современной цивилизации является переход ее к информационному обществу, в котором объектами и результатами труда подавляющей части населения станут информационные ресурсы и знания, что соответственно требует основательной подготовки всех членов социума к использованию информационно-коммуникационных технологий в своей профессиональной деятельности, в том числе, и руководителей [1, с. 380].

Создание информационного общества является генеральным направлением мирового развития, по крайней мере, в первые 20 лет XXI века. Распространяется применение новых медиа, таких, как персональный компьютер, видео, спутниковые каналы и телекоммуникации, мультимедиа, в том числе и в ВУЗах. И к этому должен быть готов руководитель академической группы.

Сетевые технологии – современное направление информатизации общества, бурно развиваются, в целом и в образовании, в частности, отмечает Н. Балык¹. Самой большой глобальной сетью, объединившей в единое целое тысячи региональных и корпоративных сетей мира, является сеть Internet – совокупность различных компонентов: электронная почта, электронные учебники, словари, справочники, энциклопедии, телеконференции и даже чаты, блоги, Вики-Вики и т. д. Она возникла на основе ARPANET (the Advanced Research Projects Agency Network) по названию агентства – разработчика и бурно развивалась до начала 80-х годов XX века благодаря подключению локальных сетей учебных и научно-исследовательских заведений. Окончательный переход к технологии современной сети Internet состоялся в январе 1983 г., когда впервые для обмена информации был принят протокол NCP/IP (Transmission Control Protocol / Internet Protocol) – совокупность стандартов для обмена информацией.

Можно утверждать, что информационное общество сейчас определяет и социально-культурную жизнь человека, формирует и развивает информационную культуру личности – «умение целенаправленно работать с информацией и использовать для ее получения, обработки и передачи информационно - коммуникационные технологии (ИКТ), современные технические средства и методы» [2, с. 102-104].

Под современными ИКТ понимают совокупность методов и технических средств для сбора, создания, организации, хранения, обработки, передачи, представления и использования информации. Сейчас с уверенностью можно сказать, что современность ставит перед системой образования ряд задач, связанных с выработкой педагогической стратегии в условиях массовой компьютеризации и информатизации всех сфер жизни человека, среди которых – формирование информационно-коммуникационной компетентности.

Компетентностный подход в образовании связан с лично ориентированным и деятельностным подходами к обучению, поскольку касается того, кто учится, и может быть реализованным и проверенным в процессе выполнения конкретной личностью определенного комплекта действий [4, с. 66-72].

Компетентностный подход – это направленность образовательного процесса на формирование и развитие компетентностей личности, одной из которых является ИКК.

Сейчас растет объем учебного материала, необходимого для усвоения. Это обуславливает необходимость поиска эффективных путей организации и управления процессом обучения, средств контроля усвоения знаний, а также поиска резервов повышения качества обучения. В настоящее время источником таких резервов может быть применение в процессе обучения компьютерной техники. Особую важность приобретает вопрос непрерывной опережающей подготовки и переподготовки специалистов самых разных категорий и эффективного использования в своей деятельности новых ИКТ, современных персональных компьютеров (ПК). Соглашаемся с Н. Жалдаком, который отмечает, что существенным недостатком в профессиональной подготовке руководителей академических групп является их недостаточный профессионализм в использовании информационных и телекоммуникационных технологий, что негативно влияет на эффективность и уровень организации групп. Руководитель академической группы должен не только обладать знаниями в области компьютерной техники, но и быть специалистом в применении ИКТ в своей профессиональной деятельности то есть, иметь достаточный уровень информационно - коммуникационной компетентности [3, с. 303].

Библиографический список:

1. Гуревич Г. С. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональном образовании будущих специалистов / Г. С. Гуревич, М. Ю. Кадемия, М. М. Козяр – Москва: МГУ, 2012. – 380 с.
2. Гендина Н. И. Информационная культура и информационное образование / Н. И. Гендина // Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы: Междунар. научн. конф. – Краснодар-Новороссийск, 17–19 сент. 2016 г.: Тезисы докл. – Краснодар, 2016. – С. 102-104.
3. Жалдак Н. И. Компьютер и математики. Пособ. для ВУЗов / Н.И. Жалдак. – К. : Техника, 2016. – 303 с.
4. Пометун Е. Дискуссия педагогов вокруг вопросов внедрения компетентностного подхода в русском образовании / Пометун Е. // Компетентностный подход в современном образовании: мировой опыт и перспективы: Библиотека образовательной политики; под общ. ред. А. В. Овчарук. – К. : „К.И.С.», 2004. – С. 66-72.
5. Кизим С. С. Применение средств мультимедиа в профессиональной подготовке будущих рабочих электрорадиотехнических профессий: автореф. дис... канд. мэд. наук: 13.00.04 / С. С. Кизим. – СПб, 2011. – 20 с.
6. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л. М. Митина. – 2-е изд. – М. : МПСИ, 2003. – 400 с. – (Библиотека психолога).

Митькина Александра Дмитриевна**Mitkina Alexandra Dmitrievna**

студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова г. Архангельск

УДК 378.14

РАЗВИВАЮЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ**DEVELOPMENTAL EDUCATION: TECHNOLOGIES OF PROBLEM TRAINING**

Аннотация: В статье раскрываются особенности технологии проблемного обучения. Представлены условия, формы, преимущества и недостатки данной технологии.

Annotation: In article features of technology of problem training are revealed. Conditions, forms, benefits and shortcomings of this technology are provided.

Ключевые слова: технология проблемного обучения, развитие профессиональной компетентности педагога.

Key words: technology of problem training, development of professional competence of the teacher.

На сегодняшний день происходит множество изменений в образовании. В связи с реализацией новых федеральных государственных образовательных стандартов учителю необходимы знания современных технологий, которые помогают ему в развитии педагогической компетентности, освоении новыми нормами профессиональной деятельности, усовершенствовании образовательной среды. При освоении новых педагогических принципов и технологий необходимым условием является не только совершенствование технических педагогических приемов, но и саморазвитие педагога, его самовыражению. Ведь именно личность учителя определяет его профессиональную позицию в педагогической деятельности и педагогическом общении. Педагог, который владеет современными педагогическими технологиями и имеющий высокий уровень технологической культуры, будет проявлять гибкость при использовании методов и средств обучения, сможет улучшить свои профессиональные действия, разрабатывая при этом свою собственную педагогическую технологию. Инновационная деятельность, которую осуществляется педагогом в образовательном учреждении, позволит ему подняться на разные уровни своего профессионально-личностного развития.

Педагогическая технология – это системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования (ЮНЕСКО) [3]. Педагогическая технология представляет собой планирование и применение в рамках образования системы средств для получения необходимого результата и способной к воспроизведению.

Сегодня перед системой профессионального образования, а именно развитием профессиональной компетентности педагога стоит задача поиска таких технологий, которые позволяли бы организовать данный процесс в виде непрерывного, гибкого и одновременно высококачественного процесса подготовки и переподготовки педагогических кадров. Технологии обучения создает практическую основу образования, обеспечивают перенос знаний в сферу труда, формируют осознанность педагога, влияющие на его целеустремленность и комплекс управленческих действий. Технологии профессионального обучения создают социокультурное пространство, в котором формируются личность, дисциплина, воля, интерес к специальности [1].

К технологиям, наиболее часто реализуемым в профессиональном образовании, относят: проблемное, модульное, контекстное, игровое обучение и др. Остановимся подробнее на технологии проблемного обучения.

В 21 веке повышается потребность в более серьезной разработке технологии проблемного обучения, которая формирует у обучающихся единство профессиональных решений с научно обоснованными действиями, осознание высокопрофессиональных задач образования и педагогических технологий на концептуальном, процедурном и реализующем уровнях. Основа организации проблемного обучения - использование развивающих методов, которые стимулируют активность учеников, через конструирование творческих учебных задач, стимулирующих познавательный процесс и повышающих общую активность обучающихся, формируя

познавательную направленность личности, способствует выработке психологической установки на преодоление познавательных трудностей.

Сущность проблемного обучения заключается в последовательной постановке перед обучающимися проблем, разрешая которые они усваивают не только знаниевую компоненту профессиональной деятельности, но и навыки ее осуществления, вырабатывая обобщенные способы познания, формируются ориентировочные основы действий, воспитываются важнейшие характеристики личности — познавательная активность и самостоятельность, которые являются залогом становления профессиональной направленности. Технология проблемного обучения, предполагает такие характеристики, как эффективность, технологичность, своевременность, адекватность имеющимся на сегодня дидактическим средствам обучения. Таким образом, проблемное обучение технологично, развивает познавательную деятельность и способствует формированию профессиональной направленности мышления.

Проблемная структура учебного материала, обеспечивает решение генеральной задачи в подготовке педагогических кадров. Учебный процесс, основанный на технологии проблемного обучения, ведет к формированию творческого потенциала профессиональной деятельности и воспитывает культурные потребности.

К условиям проблемного обучения относятся:

- обеспечение достаточной мотивации, способной вызвать интерес к содержанию проблемы;
- обеспечение посильности работы с возникающими на каждом этапе проблемами (рациональное соотношение известного и неизвестного);
- значимость информации, получаемой при решении проблемы;
- необходимость диалогического доброжелательного общения обучающего и обучающихся, когда с вниманием и поощрением относятся ко всем мыслям, гипотезам, высказанным обучающимися.

Формы проблемного обучения: проблемное изложение учебного материала в монологическом режиме лекции либо диалогическом режиме семинара; проблемное изложение учебного материала на лекции, когда обучающий ставит проблемные вопросы, выстраивает проблемные задачи и сам их решает, а обучающиеся лишь мысленно включаются в процесс поиска решения; частично-поисковая деятельность при выполнении эксперимента на лабораторных работах; в ходе проблемных семинаров, эвристических бесед. Принцип проблемности содержания обучения может быть реализован в форме учебных деловых игр.

Преимущества проблемного обучения: самостоятельное добывание знаний путем собственной творческой деятельности; высокий интерес к обучению; развитие продуктивного мышления; прочные и действенные результаты обучения.

Недостатки проблемного обучения: слабая управляемость познавательной деятельностью обучающихся; большие затраты времени на достижение запроецированных целей [2].

Таким образом, проблемное обучение сегодня — одна из основных технологий обучения, претворяющих в жизнь гуманистическое направление педагогической науки и практики. В основе его лежит идея создания инновационной среды, в которой успешно проходит профессиональное становление учителя. Только готовность к развитию позволит учителю-профессионалу организовать исследовательскую и поисковую деятельность, которая отличается сильно выраженным эвристическим моментом, включающим в себя догадку, интуицию, содержит элементы «контекстного» исследования, имеющего субъективное знание, микрооткрытие и рассматривается как деятельность, направленная педагогами на решение различного рода ситуативных проблем и задач.

Библиографический список:

1. Левина М. М. Технологии профессионального педагогического образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 272 с.
2. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей /Под общей ред. В.С. Кукушина. — Ростов н/Д: Издательский центр «Март», 2002. — 320 с.
3. Суртаева Н.Н. Навигатор в мире технологий. — СПб. — Тюмень ТОГИРРО, 2013. — 24 с.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1159

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»
Кемерово 2018